

Библиотека ОО «СПРК»

ПОД ЗНАМЕНЕМ ВРЕМЕНИ

Произведения писателей
ОО «СПРК»

ТОМ II

ООО «Издательство “Доля”»
Симферополь
2024

УДК 82
ББК 84(2=411.2)
П 44

Данное издание — II том серии «Библиотека ОО «СПРК»» с произведениями членов общественной организации «Союз писателей Республики Крым». Ежегодно планируется выпускать два сборника.

П 44 Под знаменем времени. *Поэзия, драматургия, литературный перевод и проза.* — Симферополь: ООО «Издательство “Доля”». — 128 с.

ISBN 978-5-6045180-0-7 (Серия)

УДК 82

ISBN 978-5-6053054-0-8 (Том 2)

© Афанасьева Лариса, 2024
© Валеев Равиль, 2024
© Девлетов Ремзи, 2024
© Дейнега Галина, 2024
© Пасюта Владимир, 2024
© Петренко Александр, 2024
© Плаксина Нина, 2024
© Прилуцкая Ольга, 2024
© Ступакова Расима, 2024
© Шахлевич Татьяна, 2024
© Яшчулов Валерий, 2024
© ООО «Издательство “Доля”», 2024

ISBN 978-5-6045180-0-7 (Серия)

ISBN 978-5-6053054-0-8 (Том 2)

ПОЭЗИЯ

Лариса АФАНАСЬЕВА

* * *

Вязала бабушка носочки —
Вплетала сердце в каждый ряд.
Не для сыночка, не для дочки —
Для молодых солдат-внучат.

Вязала — плакала, молила,
Чтобы Господь их защитил,
Чтоб Богородица укрыла
Святым покровом Высших Сил.

Чтоб материнскою рукою
Мальчишка каждый был согрет,
Вязала бабушка, с любовью
Вплетая буквы «V» и «Z».

31 августа

Уезжаю сегодня, вернусь в сентябре.
Между летом и осенью — ночь.
Гулко падают яблоки. А на заре
Пробежится негаданный дождь.

Громыхнёт пару раз — хорошо, что гроза,
А не бой, не ракетный смерч.
На рассвете становимся под образа —
Отгонять от мальчишек смерть.

Отмолить каждым словом, дыханьем, душой
Наших воинов Света — у тьмы.
Ты вернёшься с Победой, вернёшься живой —
Значит, будем живы и мы.

Весенняя ирония

Лопаются блузочки
Почек абрикосовых,
И стреляет глазками
Дерзкая сирень.
Только ивы-скромницы
Принакрылись косами
И глядят задумчиво
На весенний день.

* * *

Воск проточил дорожку на свече.
Трещал фитиль, подрагивало пламя.
Смотрела ночь безлунными глазами.
Сверлила боль в простуженном плече —
Всё, как всегда, привычно, не впервой,
Лишь одиноко плачет ветер, будто
Заблудший возвращается Иуда
И просится хотя бы на постой.
А сребреника нет ни одного
Ни в сморщенной ладони, ни в кармане...
Что время? — только пытка для него,
Гарем при угасающем султানে.

* * *

Годы тают, как снег под дождём,
Улетают в незримую бездну.
Вот и мы всё быстрее живём,
Чтобы в топке природы исчезнуть.
Ослепляет не солнце, а тьма
Бесприютных краёв Зазеркалья.
Пусть минует тюрьма да сума,
Но от Вечности не зарекайся.
Только чтоб не бесследно уйти
В равнодушную бесконечность,
Ты, как вехи, оставь на пути
Доброту, теплоту, человечность.

Друзьям

Друзья не имеют возраста,
Друзья не умеют стариться.
Что жизнью за годы роздано,
То с нами навек останется.
Чем дальше, тем реже встречи, но
В минуты побед иль горести
Друзья (так судьбой отмечено)
Подставят плечо по совести,
По дружбе, а не из жалости.
А надо — и втык получишь ты,
Когда задуришь по малости,
Доверив себя попутчикам.
Простят и помогут выстоять
Друзья, безгранично верные.
И пусть фейерверка выстрелом
Рассыплются мысли нервные,
Что, дескать, уже нам за полдень,
Что время к закату тянется...
Неправда! Мы верим в заповедь:
Друзья не умеют стариться!

* * *

Наверное, всё-таки вечер
Закончится тихим дождём,
И тополя рыжие свечи
Заплачут о лете былом.
Грустит потемневше-зелёный
Сосновый не молкнувший лес,
И звёзды на веточки клёна
Упали с промокших небес.

Увозит домой, наконец, поезд скорый

Увозит домой, наконец, поезд скорый,
Где тучки ложатся на Крымские горы,
По склонам речушек журчат разговоры,
Пшеницею пахнут степные просторы,

Где солнце прогрело прибрежные воды,
Прибоя мелодии ласковы ноты,
И в жарком дыхании горной породы
Прохладою манят земные пустоты.

С лаванды дурманящей пчёл хороводы
Нектаром пакуют без устали соты.
В раскраске под зебру мелькают удоды
В азарте за мошками вечной охоты.

В цветении ласковой крымской природы
Цветут и живущие в мире народы,
И выживших храмов старинные своды,
Как прежде, молитвами греют приходы.

Мы вновь отразили захватчиков орды,
И выбор — Россия — сознательный, твёрдый.
Наш Крым, словно сокол, могучий и гордый,
И крылья его, наконец, распростёрты.

Снова бьётся в печурке огонь

Снова бьётся в печурке огонь,
Снова плачет гармонь от тоски,
К автомату привыкла ладонь,
Раньше срока седеют виски.

От разлуки мучительна боль.
Ты меня за неё не вини.
Ноет, словно на пальце мозоль,
Беспросветность в окопах войны.

Пахнет гарью пробитая бронь,
И воняют от сушки носки.
В потаённом кармане патрон,
Чтоб сказать тихо жизни: «Прости».

Размывают пролитую кровь
На Донбассе шальные дожди.
Здесь спасает от смерти любовь.
Умоляю: «Любимая, жди!»

Тяжела у солдата юдоль —
Впереди затяжные бои.
Но вернусь, как с победой король,
Чтоб обнять крепко плечи твои.

Как пели строчки о Прекрасной даме

(сложное рондо)

Как пели строчки о Прекрасной даме,
Чей взгляд, как выстрел в сердце, из-под век.
Добром не славился двадцатый век
Со множеством людей в расстрельной яме.
Надежда в светлое горит, как пламя.
Она сильнее полноводных рек,
Души российской божий оберег.
Поэтому и сохраняет память,
Как пели строчки о Прекрасной даме.

Век войн и революций начал бег,
В искусстве кинется традиций брег,
И страсти разгораются углями —
На сцене героини в каждой драме,
Чей взгляд, как выстрел в сердце, из-под век.

Пятнают кровью люди чистый снег,
Своих идей вздымая выше знамя,
Ведомые куда-то кликунами,
Всё выгребая из чужих сусек.
Добром не славился двадцатый век.

Манила Муза светлыми стихами,
Что пахли иностранными духами.
У многих ночью оборвался след,
Не на Парнас отправился поэт:
Со множеством людей в расстрельной яме...
Как пели строчки о Прекрасной даме.

Найди любовь свою сначала

«Найди любовь свою сначала» —
Завет ушедшего поэта
Найдёшь в любой строке сонета.
Над морем чайка мне кричала,
Взлетев с промокшего причала.
В руках озлобленного ветра
Летит листва — осколки лета,
Что под ногами мне шуршала:
«Найди любовь свою сначала».

Стекают капли с кожи фетра,
Их дарит тучка с неба щедро,
И верится в правдивость мало,

Что осень радостью венчала —
Завет ушедшего поэта.

Жизнь пролетает, как комета,
И в суете не ждёшь финала,
А свечка быстро отпылала.
Что песня лучшая не спета,
Найдёшь в любой строке сонета.

Судьба потери отмечала,
Как накопленье капитала.
Но ждёшь счастливого билета,
Так хочется частички света,
Над морем чайка мне кричала:
«Найди любовь свою сначала».

Чужбины горек сладкий чай

(сложное рондо)

*...Россия ж как боль мне близка,
но как даль недоступна.*

Н. А. Щёголев

Чужбины горек сладкий чай,
Хоть русским кажется Харбин,
Огням заманчивых витрин
Не скрыть, что здесь уже Китай.
Покинувшим советский «рай»
У революции кармин
Кровав, по дикому зверин,
Но уцелевшим невзначай
Чужбины горек сладкий чай.

Весной в Россию журавлин
На гнёзда пролетает клин.
При виде перелётных стай
Стук сердца: «С ними улетай!»,
Хоть русским кажется Харбин.

В стихах харбинцев правит сплин,
Чураевка* заветный край,
Где каждый в дружбе прорастай.
Как верит бывший дворянин
Огням заманчивых витрин.

Как заблудившийся трамвай,
Век серебра не забывай,
Когда поэт был властелин.
Среди харбиновских картин
Не скрыть, что здесь уже Китай...
Чужбины горек сладкий чай.

В темноте старокрымские крыши

В темноте старокрымские крыши
От жары отдыхают палящей.
Тишиною струною звенящей
Городок в сновидении дышит.

Ветер спрятался на Агармыше,
Затаился на отдыхе в чаще,
А гора, словно каменный ящер,
От карьера ранение лижет.

* Чураевка – село из романа «Чураевы» (1922 г.) Г. Гребенщикова, которое стало названием русского творческого объединения г. Харбин в 20-30 годах.

Корчит рожи кому-то бесстыже
Месяц ярко на небе парящий.
Ухнул филин бесшумно летящий —
Испугались снующие мыши.

А к рассвету становится тише,
Пахнет влагой росой сулящей,
Что с зарёю подвеской блестящей —
Драгоценностью светом забрызжет.

Вдалеке от столичных интрижек,
От толпы бесконечно гудящей
Беспредельной свободой пьянящий
Привлекает покой городишек.

Капитан романтических книжек
Здесь остался навеки звучащим,
И мечтателям всем настоящим
С каждым годом Гринландия ближе.

На Агармыш кровавая луна

На Агармыш* кровавая луна
Накинула ночной густой румянец,
И звездопада торопливый танец
Съедает городская тишина.

Весь Старый Крым в объятье крепком сна —
Так спит в казарме юный новобранец,
Целуя в сновидениях избранниц,
Когда царит цветущая весна.

* Агармыш – гора возле города Старый Крым.

В кустарнике солхатская** стена —
Средневековья выживший посланец —
Напоминает: здесь царил османец,
Отсюда в Русь набегов шла волна.

Впитав чужую боль, стена черна,
Как-будто в ней запёкся плач рыдальщиц.
Их перекупит в Кафе*** италянец,
В Стамбуле вдвое за товар цена.

Давно пришли другие времена:
Цветёт, восстав из пепла, Крым-красавец
И славится теплом лечебных здравниц
И вкусом виноградного вина.

На мягких лапах тишины

На мягких лапах тишины
Восходит полная луна,
Бежит дорожки седина
По морю мрачной глубины.

Блестит на пляже след волны,
Что погрузилась в царство сна,
И придорожная сосна,
Как путник с дальней стороны.

Заметен контур скал стены,
Детали все скрыл мрак сполна.
На небе — омуте без дна —
Алмазы звёздочек видны.

** Солхат – название города Старый Крым в средневековье.

*** Кафа – селение, получившее в 1783 году название Феодосия.

В ночи цвета погребены —
Палитра яростно черна,
Угля графичность полотна,
Как фото давней старины.

Памяти музыканта Виталия Макукина

Подобно золоту динара
В глазах мелодии свечение,
И оглушало потрясение
От раскалённых нот пожара.
Ребёнком плакала гитара
В руках алуштинского гения.
Один такой на поколения —
Носитель творческого дара.

Красавец-музыкант Виталий
Был идеала воплощением,
И замолкало помещение,
Лишь струны трепетно звучали.
Они страдали от печали,
Взрывались всплеском озарения,
Казалось, что картины пения
Играли красками эмали.

Болит в душе потери рана,
Утраты ноет ощущение,
И колдовской игры мгновения
Увидеть можно лишь с экрана.
Макукин нас покинул рано —
Творцы сгорают без сомнения,
Но их приходит воскрешение —
В твореньях живы постоянно.

**Есть поэты на час,
а есть навсегда**

Жизнь уносит нас вдаль, как в ночи поезда,
Тормозя иногда у друзей остановок,
Но мы снова заводим товарищей новых —
Такова у писательских братьев среда.

Есть поэты на час, а есть навсегда,
Чьё навеки в народе останется слово.
Песня сердца, как феникс, рождается снова,
И сияет надеждой заветной звезда.

Пустозвонов, как мусор, отсеют года,
Драгоценное нам оставляя былого,
И Высоцкого песни надёжной основой
Из российской души не уйдут никогда.

Колокольным набатом плачет беда,
Это слёзы текут у вдовы рядового.
И военные песни тревожат любого —
У защитников Родины снова страда.

Владимир ПАСЮТА

Годовщине триумфа

*К 10-летию «Русской Весны»
в Тавриде и Новороссии*

К десятилетию видной даты
Под старый слог витиеватый
Почтенный крымский юбилей
Почтить и мне строкой моей...

Истории вверяя славу,
Отчизны доблестной певец,
Я возношу в золотой оправе
Её побед золотой венец!
Той окрыляющею силой,
Как миг прозренья, как мессия,
Нас пробуждая ото «сна»,
Вершилась «Крымская весна»!
Тысячелетняя Россия
В тот март, в четырнадцатый год,
(Уж мы над пропастью — и вот!)
Под стать ей — смело и красиво, —
Оборотивши бездны ход,
Спасла таврический народ!..

Ожёг хмелевшую Европу
Гром триумфальной воли наш
(Не волен вечной, наглой «пробе»
Тавриды вечный эрмитаж!..) —
К их давней зависти надменной,
Под Русским Солнцем в южном небе
Остался Крым — для их обид, —
Как прежде, — Храм и меч, и щит;

Как прежде — русские знамёна,
Вослед великих дел Петра,
Екатериной водружённы
Для нас — на вечны времена!..
И вот! — прощанья час уж пробил —
Под либералов крик и вой,
Пора, расстанемся с тобой,
Почившей разумом Европой,
Сейчас (и впредь!) не смея вновь
Прощать вас; за людскую кровь
Ещё взовём мы к Немезиде!..

Тогда ж... внимаючи Тавриде,
Восстал несломленный Донбасс
На смертный бой; и в тот же час,
Явив собой и меч, и право,
Венцом терновым ратной славы
Увил себя (заместо нас!)..
Но мне ж... проехать горделиво —
Меж арок Крымского Моста,
Как в дни былые шёл Владимир
Через Цареградские врата!

*(Республика Крым,
декабрь 2023 – январь 2024)*

Восьмой годовщине обретения независимости Донбасса

Донбассу быть спасённым — ныне и навечно!
Ему идти с Россией общею судьбой!..
И вознеслися те — во Званьи Человечьем, —
Кто рвался той Весной* на Референдумы и в бой!..

Май 2022

* весна 2014 года

Памяти 24-го Февраля...

Погибшим в первые — грозные, отчаянные и решительные — дни Спецоперации, когда подразумевалось, что СВО будет коротким эпизодом истории, посвящается...

* * *

Под шагами твёрдыми
Плавилась земля...
То двадцать четвёртое
Помни февраля!..

«Звёзды путеводные
Направляли нас
За зарёй свободною —
В бой, за наш Донбасс!

“Смерти нет!”».

Колоннами
Шли они вперёд;
Был непокорённым и
Ждавший их народ.

* * *

Долго запрягали мы;
Скоро враг бежал,
Ужасом сменяем был
Волчий их оскал;

С иступлённой злобою
Огрызнулись нам —
И уж в первом том бою
Счёт пошёл «двухстам»...

* * *

Будем же достойными
Павших там не зря —
Наших, вознесённых той
Славой Февраля!..

Их увековечим мы,
кто на той земле
Подвигом отмечены
Были в Феврале!

*Декабрь 2023 г.,
ко второй годовщине начала СВО*

ПОД СТАЛИНГРАДСКИМИ ЗНАМЁНАМИ...

К 80-летию победы в битве на Волге

Нас перевозносит Сталинград
Своей монументальной мощью,
Венцом терновым из наград
За бой, пылавший денно-нощно...

Где предки проливали кровь,
Ведя к бесславному исходу
Несостоявшегося вновь
На Русь «Крестового похода»...

Победный рог взвестил «уход...» —
В земь вмёрзлый прах (на месте драки)
Самоназначенных «господ»
И их зазнавшихся «табаки»...

Стал Волгоградский пантеон
Геройства духа притяженьем;
А внукам тех «Drang Ost..»-колонн —
Суровым предостереженьем!..

Он — в орденов златом огне,
И в Волге — отраженьем синим;
Он, как Сподвижник, наравне —
Среди святых имён России!..

И Он же... «либеральный смрад»
Горящим прошивает градом,
В дни роковых и славных дат
Вновь становяся Сталинградом!..

Клянёмся ж: в нынешней борьбе
Не сдать Земли сВоей ни пяди! —
Пред теми клятва, в чьей судьбе
Взойти на Небо в Сталинграде!

19-20 января 2023 г.

* * *

*Посвящаю волгоградцам,
воюющим и отдавшим свои жизни
на фронтах Специальной Военной Операции...*

Оборона Севастополя

*(к 77-й годовщине окончания
Второй мировой войны...)*

*Вольный экфрасис
к одноимённой картине А. А. Дейнеки*

Недвижен Южный Галеон,
Где выше жизни чтут уставы —
Наш духотворный бастион,
И заповедник русской славы!

Не пал он к вражьи сапогам —
На диво фрицам (и румынам);
Приём радушен не был там,
Как в Риге, Праге и Волыни...

Вконец зарвавшись, супостат
Добычи лёгкой ждал надменно,
Но встретил здесь его раскат
Священно-яростного гнева!..

Столбы пожарищей зарниц
Подобны были смерчам чёрным;
Горения взвесь и россыпь гильз,
Как зёрна смерти, в взрытом дёрне...

Во гневе русская земля
Являла праведной рукою
Клубы Небесного огня
В котёл с «коричневой чумою»...

Ни «krieg» не дался им, ни «Blitz...»
(Как грезил вождь их окрылённо) —
Пред моряками дрогнув, фриц
Валился ниц уже сражённый!..

Над этой ввек земле святой
Развеян прах лже-крестоносцев,
И ныне тут бессмертный строй
Краснознамённых венценосцев...

С последним фюрером своим
Дотлел и фрицев духа пламень!
А Град-герой наш нерушим,
Как Третий Рим, как Божья Гавань!
2022 г.

Утро

В Школьном* на рассвете,
Озаряя степь,
Солнца луч приветно
Вмиг срывает тень.

А поодаль степи,
Расстилаясь вширь,
Нивы разноцветье
На покос спешит...

* Школьное — родной посёлок автора

Слышно чрез оконце
Весь родной простор:
Пташьях перезвонцев
Многогласый хор.

И в лазурной неге
Из недалека,
Как зефир, на небо
Лягут облака...

Вновь окину взглядом
Вечные черты —
Словно век мне даден
На мои мечты...

2022 г., сентябрь

Озарение*

Ужель навеки предо мной
Верна заносчивая лира,
И ей предаться мне игриво
Вдруг было велено судьбой?

Ужель идти вослед за мной —
Её смиренное решенье?..
Или то — свыше провиденье!
Мрак низвергая озареньем
Моею лёгкою рукой?!

*Это ода началу становления ещё одного направления моего творческого самовыражения — поэзии! Написано стихотворение было практически мгновенно, уже далеко за полночь (в минуты отдыха, ещё не перешедшего в сон); в тот период, когда я заканчивал напряжённую работу по завершению биографической поэмы о конструкторе С. П. Королёве.

Так что ж, теперь ему — пылать!
Я воспротивиться не в силах:
Сей бойкий, дивный светоч лиры
Влечёт на мысль меня опять!

Плеяду славных (тех!) певцов
Теперь не мною ль не восполнить,
Отечества родник наполнив
Ручьями вдохновенных строф!

Январь 2022 г.

Вячеслав Георгиевич Довгань

Светлой памяти посвящаю...

Навечно. В списках. Генерал¹,
Что, как водитель лунохода,
С когортой смелых покорял
Рубеж над сенью Небосвода!..

Следы на спутнике Земли
Его рукою направлялись;
Мы (!) человечеству несли
Открытий неподступный кладезь!

¹ В. Г. Довгань (1937–2022) — легендарный водитель луноходов, генерал-майор авиации, кандидат военных наук, профессор;

² Летом 2023 года библиотека посёлка Школьное (бывш. Симферополь-28 и в/ч 14109) стала носить имя генерал-майора авиации В. Г. Довганя;

И вот, полвека отсчитав,
Приказ невидимую нитью
С героя именем связал
Родную книжную обитель!²

Сподвижники открыли здесь
Музей о незабытой славе³,
Где «Лунный путь» очерчен весь —
В достойной памяти оправе!

Вновь я ступлю на Лунодром⁴:
Над исторической канвою
Мне в дымке образ вновь знаком
Телеги Лунной... рулевого!

2023 г.

³ Ранее, 4 октября 2022 года, в здании библиотеки п. Школьное был открыт музей «Комната Славы в/ч 14109», в котором тематический блок «Лунная Одиссея» посвящён В. Г. Довганю, в память о его службе в в/ч 14109;

⁴На территории военного городка Школьное был оборудован единственный в Море (!) лунодром, где испытывались шасси «Лунохода» и проходили обучение их экипажи.

На лунодром был доставлен макет лунохода. Операторы отрабатывали на нём навыки управления аппаратом при движении по соответствующей лунной местности. Центр управления луноходами также располагался здесь же. На данный момент лунодром заброшен.

Ивану Айвазовскому

(На 205-летие со дня рождения)

Ода

Тому назад пару столетий,
Когда златым был Русский Век,
И живописцем, и поэтом
Был воспеваем Крымский брег!..
Всесильной гения рукою
Эскиза образ пред собою
Ты обращал в лазурный бег:
То волн неистовость Таврийских,
То скал прибрежных строгий вид,
Что над селеньем Ливадийским
Поныне взор творцов пленит!
И дарованьем многогранным
Величным образом батальным
Морских красу нещадных битв
Ты мастерски вознёс в полотнах!
Твой «Вал девятый», где «на плотах»
Встречают свой фатальный рок!..
Когда ж был изгнан за порог
Державной «Северной Пальмиры»,
Здесь это «Солнце...» дивной лиры
Увековечено тобой:
Средь туч, сиявшим над волной,
Застыл в величии ампирном
Тот, что велик своей строкой,
Как ты — стихиею морской!..

Июнь, 2022 г.

В память о В. В. Жириновском

Ушёл, кто миллионам был русских — вождь!
Отчизны врагам он напорочил пламя,
Что разгоревшись, их обратило б в дрожь!..
И вот — зарделось над Миром вновь наше знамя!

В рядах был своих — точно полубог!
И целью (!) Россия была, а не средством.
А его партия, где «Либерально-...» (слог)
Стоит с предательством не по соседству.

Теперь средь небесных ветвей садов
Глядеть ему сверху на нас сквозь время;
Но вечно мечтал он (всю череду веков!..
С Россией делить войн и пиров бремя...

*9 апреля 2022 г.,
Республика Крым*

Я образ Родины в стихах рисую

Я образ Родины в стихах рисую;
в душе и сердце — предков дружный круг.
Дыханьем согреваю каждый звук,
вплетаю в строки-струны Русь святую.

По глади вод, сквозь кружева лесные,
к истокам древним, словно к алтарю,
взлетаю мыслью и благодарю
размах степей, вершины расписные.

Просторы людные лелеет солнце:
в лучах ликует жизнь — от плоти плоть.
Взыскаю, бережёт их сам Господь
прозрачной пеленою — синь-суконцем.

Пред Богом все равны — твердить излишне.
Исконно мир славянский сотворён
в эпоху триединых правремён:
«валюшки»* — васильки, берёзы, вишни.

Другие символы прекрасны тоже:
волнуют Волга, Припять, чудный Днепр.
Речной авторитет в веках окреп:
из равных лучших выделять негоже.

В истории едины, безусловно.
Народ: велико-, бело-, малоросс —
частицей государства каждый рос,
не обделён в развитии духовном.

* валюшки (белор.) — васильки

Скажу о «-россах» отзывов примеры:
мол, ясно Слово и приятна Речь,
умеют дружбу добрую беречь,
в чести семья, не меркнет сила веры.

Покладистость характера бесценна,
сердечная порядочность и мир.
Честь Родины — для совести кумир!
Любовь к России — вечна неизменно!
3 августа 2024 г.

Участники прошедшего в Севастополе второго форума Всемирного русского народного собора «Русский мир» инициировали принятие в России закона о триединстве русского народа — белорусов, великороссов и малороссов. Это единство — есть духовно-нравственная и культурная историческая ценность.

Понравилось высказывание Председателя Госсовета РК Владимира Константинова: «Нам нужно пройти невероятно сложный путь построения независимой, эффективной и конкурентной цивилизации. Если мы на достойном уровне проведём эту работу, вернёмся к самим себе, к своим истокам, — это станет хорошим исходом СВО. Это будет наша Победа!

*«Крымская газета», четверг, 1 августа 2024 г.
Статья Василия Акулова «Возвращение в семью».*

На детский смех и радость жизни светлой

Нет! Это не должно произойти,
чтоб гибли дети и гремели взрывы,
но поперёк у счастья на пути —
американский вечный зуд наживы.

Ракеты ATACMS — на уютный пляж,
на детский смех и радость жизни светлой...
Необходим Америке кураж,
привычной быть заносчиво-приметной.

Куражится над миром Вашингтон,
столица наглости, разнузданности, смерти.
Соединённым Штатам нужен стон,
Америка рулеткой смерти вертит.

RQ-4B в ночи кружил,
разведал, где так много счастья плещет.
Америке индейских мало жил,
и Global Hawk ведёт полёт зловещий.

Развязно жить, смеясь, посеять страх,
привычно бить по слабым, безоружным:
роддом, больницу, детский сад впотьмах —
приоритет американцам нужен.

В Америке — колониальный зуд:
привычны ей грабёж и рабства клещи,
цветёт обман и злобный словоблуд.
С Россией — мир свободе рукоплещет!

Под небом, перед Богом все равны,
нет избранных, и все жизнелюбивы.
Свобода, равенство — им нет цены.
Для братства равных — цель и лейтмотивы
всех встреч с Россией.

24 июня 2024 г.

В воскресенье, 23 июня, в 12 часов 15 минут Севастополь был атакован американскими ракетами ATACMS. Погибли четыре человека, ещё 144 пострадали.

24 июня в Крыму и Севастополе объявили траур.

Жертвами атаки стали мирные жители, которые в это время отдыхали в районе популярных севастопольских пляжей Учкучевка и Любимовка на Северной стороне города.

Погибли двухлетний ребёнок и 9-летняя дочь заместителя мэра Магадана. Всего за медицинской помощью обратился 151 человек, госпитализированы 82 человека (55 взрослых и 27 детей). Несколько человек в реанимации в тяжёлом состоянии.

Узнаваем вражеский приём

Застыло неподъёмное перо,
и вязкий лист не принимает строчек:
по водной глади — взрывов многоточье,
под синим небом заплясало зло.

Оборван смех, не стало малыша,
убита радость, праздник мира взорван.
В лохмотья горя светлый день разорван:
людские судьбы США вершат.

Так узнаваем вражеский приём,
американский вызов русской славе.
Потребность в вашингтонском волкодаве:
сжирать младенцев и невест живьём.

Столица боен, колыбель вранья
в открытый берег целит, не в акрополь.
Нацист в прицеле держит Севастополь,
наполнен ядом кончик острия.

Он подло дразнит: прячет океан,
Европа Штатам — предзащита, явно.
Всё по колено им, как море пьяным:
мол, стерпит наглость русский великан.

Не стерпит! Не дразните ураган...

26 июня 2024 г.

Горюет и болит сама природа

*Закончится война — людей не станет,
Людей не станет — не бывать войне.
Марат Закиров, «Я думаю, никто не виноват»*

Горюет и болит сама природа:
гранит крошится, и утёс в слезах,
у солнышка лучи — остры, как спицы:
оплавились, а горы съёжил страх.
Пустыни вспоминают многолюдье:
трухою стали сёла, города...
Под небом гордо смерть стоит на блюде —
мол, и туда взберётся без труда.
Но каждый камень знает плутократов:

ВСЁ ГОРЕ — ОТ СОЕДИНЁННЫХ

ШТАТОВ!

28 июня 2025 г.

Не говори

Я значимость минуты не нарушу.
Не говори. Пусть будет этот взгляд,
глубокий, властный, заглянувший в душу.
На небе дышит тишиной закат...

Тоскует он, трепещет болью жгучей,
Но ждать тщета: утрачены мечты,
из прошлого остался светлый лучик,
последний миг до чёрной пустоты.
Незримый след, но в памяти — нетленный.
Неповторим, по-прежнему любим.
Душой хранимый и самой Вселенной —
она светится именем твоим.

Неповторима роскошь лета

Дышу тобой, люблюсь, лето:
открыта благодать, светла.
Неповторимо роскошь цвета
ликует в празднике тепла.
Покой. Растаяли печали,
и радость солнца горячей —
живую нежность ощущаю
в прикосновении лучей.
Их поцелуи невесомо
лицо ласкают в тишине,
невыразимую истому
рождает высь в голубизне...

Неспешным будь, родное лето:
тобой душа моя согрета.

Зной

Зной свирепо жалит крыши,
жарит всё, что тронет:
еле-еле море дышит,
Юг от жара стонет.

Корни корчатся в ожоге,
априори зная:
любопытство судят строго,
глупость — шутка злая.
Лишь на миг, взглянуть хотели,
солнцу улыбнуться,
кто и как, какие цели...
Сколько раз споткнуться
ножки о бока успели!..

Ветер, поспеши на старты —
освежи прохладой!
Где ты, дождик благодатный?
Ждём! Тебе мы рады!

23 июля 2024 г.

Наблюдаем издали

Музыка у дождика своя:
барабанят, сыплют дробью капли,
звонко в слив солирует струя —
изучаем издали — не так ли?!

Не нужна за шиворот мокрень,
там до нитки запросто промокнуть.
Для того и существуют окна,
чтобы наблюдать дождливый день.

Отшумел и радугу-дугу
изогнул — гуляйте на лугу.
Дождь прекрасно знает своё дело,
что побегать срочно захотелось.

Визг и хохот — разгулялся смех,
заплясала детвора по лужам:
лужи — тоже редкость, как и снег,
детской радости прекрасно служат.

26 июня 2024 г.

Ждёте?

Ждёте, милые мои,
друзи и подруги?!
Тайну моря и земли,
красоту округи
рассказать хотите мне?
Или тайну взгляда,
что в пылающем огне
издали и рядом
душу держит... Свиты в жгут
долгие минуты...
Друг мой, знаю: книги ждут —
дверцу распахнул ты,
милый шкаф!

18 июля 2024 г.

Любимый Крым

Любимый Крым — судьбы сплетенье,
Очаг тепла и вдохновенья.
Влекло народы в дивный край —
Богами пестованный рай.
Потомки эллинов, татары,
Славяне, немцы и болгары —
Вы все познали соль земли,
Отдав ей силы, как могли.
И в наше нынешнее время
Потомки, новое ли племя —
Жить в обновлённой всем стране.
Да будет мир, и «нет» войне.

Ялта

Мой город, обласканный солнцем
В ладонях таинственных гор,
С распахнутым к творчеству сердцем,
Для душ окрылённых простор.
Поэтов, прозаиков пристань,
Художников яркий пленэр,
Где красок соцветием выстлан
Природных ландшафтов шедевр.
Прибрежье омыто волною
То нежной, то гневной, когда
Пронзённая Зевса стрелою
Взмывает Нептуна орда.
Величье стихии во взорах,
И к кисти стремится рука.
Бескрайнего моря просторы

В полотнах замрут на века.
Ликует земли разноцветье:
Глицинии, розы колор,
Цветущих садов белоцветье,
Лесов изумрудных ковёр.
Чарующи Крымские горы:
Ай-Петри, Уч-Кош, Аю-Даг,
Где таинство вечной природы
Волнует, тревожит, как маг.

А. С. Пушкину

Поэт России незабвенный,
Пленивший красотой стиха.
Его творения нетленны,
Воспел Отчизну на века.
В них лёгкость слога. Слово, рифмы
Плетут изящно кружева.
Стихи, поэмы, сказки дивны,
Волнуют, радуют сердца.
И благодарные потомки
В Гурзуфе, Питере, Москве
Поэта славят слогом звонким.
Дух Пушкина — он в нас, везде.

Памяти А. С. Пушкина

Застыла петербургская зима.
Поэта перестало биться сердце.
России светоч, звонкая струна,
Что души зажигала в ритме скерцо.
Чей свет струится, годы все поправ,
И льётся, льётся пушкинское слово
Легко и вольно, ибо был он прав,
Что памятник воздвиг нерукотворный.

Белая дача

«Прекрасны вы, берега Тавриды!» —
Изрёк взволнованно Поэт.
Оспорить вряд ли мы смогли бы:
В стихах и песнях край воспет.
Ведь южный климат в меру мягкий,
Подобна осени зима,
И много солнца, нет печали,
Лишь грусть мелькнёт порой едва.
Ласкает бриз морским дыханьем,
Открыты взорам игры волн.
В глазах восторг, в душе признание:
Простор Нептуна силы полн.
Желанье жаждущих здоровья —
Средь сосен, ласковой волны
Вдохнуть, принять дары у моря,
Сливаясь с бирюзой воды.
На южный берег прибыл Чехов
В надежде силы возродить.
В тот край, что лечит душу, тело,
Его нельзя не полюбить.
И он оставил для потомков
Очаг негаснущей любви
К искусству, слову. Ярко, громко
На Белой даче под клавиш
Звучат поэмы и спектакли,
Романсы в творчестве людей,
Несущих мыслей свет (не так ли?)
На гребне Чеховских идей.

Парк «Айвазовское»

Тихая бухта прильнула так нежно
К склонам, укрытым под сенью ветвей
Кедров могучих и сосен, надёжно
Землю обьяввших всей мощью корней.
Парк Партенита — гармония, диво,
Чудных ландшафтов дизайнерских друг.
Вас приглашает у врат горделиво
Мэтр-маринист Айвазовский. И вдруг
Взору откроется пышность и строгость:
Розы в цвету, ароматы кружат,
Ярких соцветий блуждающих вольность
Грёзы любви и надежд ворошат.
Пушкин застыл, созерцая побережье.
Муза чуть-чуть лишь коснулась крылом —
Строки сложились легко, безмятежно,
В сердце потомков чтоб вспыхнуть добром.
Мчится навстречу былинная пара:
Кони золотые на полном скаку,
Гордые, мощные, словно награда
Путнику встречному на берегу.
Их укротил Посейдон-покровитель,
Выйдя на берег в священных местах:
Сосен спокойствие, духов обитель,
Игры дельфинов в лазурных волнах.
Близится вечер, и солнце за горы
Плавно уходит. А сумрак ночной
Мир погружает в нирвану упорно.
Утро грядущее встретим с тобой.

Магия музыки

Денису Мацуеву

Величье музыки летящей,
Восторг души, её волненья,
Сливаясь с клавишей звенящей,
Она горит от вдохновенья.
И царство музыки волшебной
Нас покоряет в этом зале
Звучаньем солнечной вселенной
В игре маэстро на рояле.
То чуть касаясь клавиш нежно,
В волненье руки замирают.
И звуки облаком, воздушно
Нам сердце тешат и ласкают.
Но вдруг мелодии мятежной
Порывы бьются и клопочут
И в вихре страсти безудержной
Несутся ввысь, любовь пророча.
Маэстро руки, словно крылья,
Взлетают, мечутся, страдают,
Чтоб мир волшебный сделать былью,
Где ноты славу обретают.
Могучей музыки всевластье
В руках великого маэстро.
Он дарит людям праздник, счастье.
Виват и браво Вам за это!

Весна и поэзия

Земли небесное круженье,
Планет вселенский хоровод...
Творцом запущено движенье,
Где всё сначала каждый год.
Бегут секунды неустанно,
Минуты, час слагая, дни,
Зима и лето постоянно
Сменяют осень, шарм весны.
Душе предвестие желанно,
Надеждой, трепетом полна,
Вступая в новое спонтанно,
Лишь верой собственной сильна.
Весны желает пробужденье,
Флюидов солнечных лучей,
Друзей поддержку, единенье
На ниве творческих идей.
Ласкают взор ростки природы,
Что сквозь снега и твердь земли
(Ведь март для них — земные роды)
Рожденья радость принесли.
И март не зря по озаренью
Творцом всех пишущих людей
Собрал под лоно вдохновенья
Поэтов разных и друзей.
Так пусть поэзия струится
Потоком мыслей, чувств полна,
Пусть просветляет души, лица.
Она, как прежде, нам нужна.

Крымский мост

Величье Крымского моста
В триумфе мысли инженерной,
Надежды яркая звезда,
Что путь открыла беспримерный,
Связав с Россией на века.
Сквозь гнев штормов, ветров шалящих
Струится мост издалека,
Взметая два крыла парящих,
Презрев глубин тревожный страх.
Остались в прошлом дни и ночи.
Команда мостовая — ах,
Вершила дерзко, что есть мочи!
И воссиял вдруг Крымский мост
Во мгле ночной и блеске утра
Дорогой жизни, как форпост
Для поворота жизни круто.

Бессмертный полк

О, сколько сказано уж слов
И песен спето о Победе,
Но вечны подвиги отцов,
Доколь мы живы, то в ответе.
Призывно в души к нам проник
«Бессмертный полк» и в единенье
Народной воли мир возник,
Где мы и предков поколение.
Рекою жизни хлынул полк
В России, странах, где в сраженьях
Упорно каждый, кто как мог,
Приблизил миг освобожденья.
В руках потомков лик отцов,
А души — вместе и едины.
Народ сплотился, чтобы вновь
Победу, мир мы сохранили.

ДРАМАТУРГИЯ

Валерий ЯШКУЛОВ

ЗАЙТУНА

*(Героическая драма в 2-х действиях,
основанная на реальном событии)*

Действующие лица:

1. ЗАЙТУНА — девушка-башкирка, 20 лет
2. ЛИДА СТАХЕЕВА — сослуживица Зайтуны, 23 года
3. ПЁТР ГОЛОВАТОВ — старшина, командир группы ВНОС, 44 года
4. БАДМА — пожилой мужчина калмык, 56 лет
5. МАЛЬЧИК БАДМА — водонос, житель с. Садовое, калмык, 13 лет
6. МАЙОР — начальник учебной школы связи, мужчина, 35 лет
7. ФИРГАТ — студент, однокурсник, возлюбленный Зайтуны, 21 год
8. АРСЛАН — студент, однокурсник Зайтуны, 20 лет
9. ГУЛЬШАТ — студентка, однокурсница Зайтуны, 19 лет
10. ХАКИМА — студентка, однокурсница Зайтуны, 20 лет
11. КАРИМА — студентка, однокурсница Зайтуны, 21 год

В массовых сценах студенты Уфимского государственного училища искусств, курсантки военной школы связи.

ПРОЛОГ

На сцене виден песчаный холм с небольшим могильным памятником. Раскалённое солнце. Сверху на памятник сыпется песок. Возле памятника сидит пожилой Бадма и напевает калмыцкую песню «Деляш».

Үстэлая гиджалая
Үстичин сэнси уавэ
Үүрлэд, наадад суудеглая
Делэашигэн санэлав
Өэдрэхинла гиджалая
Өэдрэхичен санси угавэла
Альвлад, наадад йовдегла
Делэашигэн санэлав
Далыһэн цогэсн
Үүстэлэлэ билэллэлч
Дальвлзгсн сээхн
Йовдалта билэлэлч...

БАДМА (*закончив песню, смахивает ладонью песок с памятника*). Да, вот так проходит жизнь, всё течёт, не задерживаясь ни на минуту. И только память сохраняет события минувших лет. Вот и о тебе, Зайтуна, я помню... и буду помнить всегда, пока я жив. Ты прости, что долго не приходил к тебе, почти 13 лет. На то были причины, независящие от меня. За это время я вырос, но память о тебе хорошо сохранилась. Вернувшись на малую родину, я долго искал место твоего упокоения, которое за это время засыпало песком. Я еле его нашёл и сам поставил этот скромный памятник.

Представляешь, мне до сих пор видится та первая встреча с тобой!

(Улыбается). Странно было видеть вас, копошащихся на этом бархане, в августовскую жару 1942 года. Я тогда принял тебя за свою сестру Саглару, которая добровольцем ушла на фронт... Ты на неё была очень похожа. Только ты была в военной форме. Мне тогда было неполных 13 лет, я носил воду в бидоне из родника. Сколько лет прошло, но хорошо помню те события, развернувшиеся на этом месте... Я ведь тогда не убежал к маме в село, а спрятался за дальним барханом! Страшно мне тогда было...

Недавно я искал в архивах документы о тебе и узнал, что ты числишься без вести пропавшей! Вот такая несправедливость приключилась, которую я обязан исправить! О твоём подвиге должны все узнать, узнать, узнать! *(закрыл ладонями лицо).*

ДЕЙСТВИЕ 1

КАРТИНА 1

Учебное помещение для репетиций Уфимского государственного училища искусств. Студенты репетируют пьесу «Святая Иоанна» Бернарда Шоу. Роль Жанны Д'Арк репетирует Зайтуна, роль Роберта, капитана королевской гвардии, репетирует Фиргат, роль Управителя репетирует Арслан. Другие студенты сидят на полу полукругом.

ЖАННА *(небрежно приседая)*. С добрым утром, сеньор капитан! Вы должны мне дать коня, доспехи и воинов, чтобы ехать мне к Дофину! Так повелел Всевышний!

УПРАВИТЕЛЬ *(капитану шёпотом)*. Она сама желает стать солдатом. Хочет, чтобы вы дали ей солдатскую одежду, латы и амуницию для коня. И меч! Ей богу! *(пробирается к Роберту за спину).*

РОБЕРТ (*с негодованием*). Повелел, мне? Кто такой Всевышний? Ступай к нему и скажи, что я не его вассал, я полноправный владетель Бодрикура! Я не подчиняюсь никому, кроме нашего Короля!

ЖАННА (*умиротворяющим тоном*). Ну да, никто ничего и не говорит. Всевышний — он и есть Царь, только Царь небесный!

РОБЕРТ. Девчонка, видно, совсем спятила! (*Управителю*). Что же ты меня не предупредил, болван?!

УПРАВИТЕЛЬ. Молю вас, не сердите её! Дайте ей то, что она просит!

РОБЕРТ. Господь внушил, чтобы я отправил тебя к отцу, чтобы он выбил из тебя дурь!

ЖАННА. На самом деле всё будет совсем по-другому. Вот вы говорили, что меня к себе не пустите, а чем это кончилось? Я — тут как тут!

УПРАВИТЕЛЬ (*с мольбой*). Видите, что получается!

РОБЕРТ. Ты лучше помалкивай!

УПРАВИТЕЛЬ (*поклонившись*). Слушаюсь, синьор...

РОБЕРТ. Значит, это ты заставила меня принять тебя?

ЖАННА (*ласково*). А кто же?

РОБЕРТ (*чувствуя, что вынужден будет отступить, наклонился, взял деревянную бадью, перевернул её верх дном и высыпал песок на пол*). Вот увидишь, я сейчас покажу тебе свою волю!

ЖАННА (*поспешно*). Облачившись в доспехи и латы, ну, такие, как у вас, я смогу вам заплатить 16 франков! Это, конечно, большие деньги! Но ничего, Дофин оплатит всё! Да и солдат он даст мне столько, сколько нужно, чтобы снять осаду с Орлеана!

РОБЕРТ (*вне себя от изумления*). Снять осаду с Орлеана?

ЖАННА (*простодушно*). Конечно, а что же тогда, по-вашему, повелел мне Всевышний?!

РОБЕРТ (*разглядывая Жанну с немым изумлением*). Будь я проклят!..

Тут однокурсники зааплодировали с криком «браво!». В этот момент в помещение вбегает Карима.

КАРИМА. Друзья! Война! Только что по радио выступил Вячеслав Молотов и объявил, что рано утром, в 4 часа утра, немецко-фашистские войска атаковали наши границы на всём протяжении от Балтийского до Чёрного морей!

ГУЛЬШАТ. Ой, девочки, что теперь будет?..

ХАКИМА. А как же экзамены? И как мы теперь?

ЗАЙТУНА (*решительно*). Так, успокоились все. Наши войска дадут отпор агрессору!

АРСЛАН. Точно! Наши обязательно врежут им так, что фашисты побегут аж до Берлина!

ЗАЙТУНА. Не зря мы репетируем пьесу о Жанне Д'Арк! Ведь сложившиеся обстоятельства, как нельзя кстати, подходят к этой теме! Защита Родины — есть высшее проявление человечества! О роли великой личности, как Жанна Д'Арк, сделавшая за свою короткую жизнь так много, ради своего народа, написано много. И её подвиг — есть для нас путеводная звезда, которой мы все должны следовать!

ФИРГАТ (*растерянно надевает свои очки*). Всё так, Зайтуна, кто же спорит. Возможно, нас всех мобилизуют на фронт, но вот меня точно не возьмут из-за плохого зрения...

АРСЛАН. Не горюй, Фиргат! Ты сможешь добиться отправки на фронт! Ты же у нас упёртый!

ФИРГАТ (*отрешённо*). Может быть, может быть...

ЗАЙТУНА. Фиргат, если тебя не возьмут, то я за тебя пойду на фронт! Запишусь добровольцем на курсы медсестёр и пойду помогать раненым бойцам! Что скажешь?

ФИРГАТ (*приблизившись к Зайтуне*). Зайтуна, давай отойдём в сторонку. Мне надо с тобой поговорить... сказать тебе очень важное.

ЗАЙТУНА. Хорошо, давай отойдём. (*Обращаясь к однокурсникам*) Ребята, оставьте нас одних...

АРСЛАН. Ну, тогда мы точно победим! (*Смеётся.*)

КАРИМА. Не ёрничай, Арслан! Давай, шагай к выходу!

Гульшат и Хакима, оглядываясь на Зайтуна с Фиргатом, также последовали к выходу.

ЗАЙТУНА. Ну и что ты мне хотел сказать, Фиргат?

ФИРГАТ. Понимаешь, всё как-то свалилось на нас, неожиданно... Я ещё не всё переосмыслил в своём сознании. Война, страдания, смерть — всё как-то не реально выглядит для меня. Но, когда я услышал твои слова о желании идти на фронт, я испугался и понял всё!

Зайтуна сделала шаг к Фиргату.

ФИРГАТ. Постой, не перебивай меня, это очень важно для меня... Мы знакомы с тобой почти год, а мне кажется — вечность. Ты — красивая, Зайтуна и темпераментная, я тебя сразу заприметил в училище. Поначалу я смущался своих мыслей, даже немного побаивался тебя. Но потом я понял — это судьба!

ЗАЙТУНА. Ты правда меня побаивался? (*Смеётся.*)

ФИРГАТ. Правда, только не смейся.

ЗАЙТУНА. А мне ты поначалу показался чересчур застенчивым. А когда стали репетировать «Жанну», ты в своей роли так преобразился, словно другой человек, в роли Роберта! Такой темперамент, харизма, что я пересмотрела свои взгляды на тебя. Мне стали нравиться твои кудри, твои смешные очки. Я действительно прониклась к тебе симпатией. Ты всё больше и больше стал мне нравиться, дорогой мой Фиргатик!

ФИРГАТ. Это правда, Зайтуна?

ЗАЙТУНА. Да, это правда, я не хочу скрывать от тебя свои чувства к тебе!

ФИРГАТ. Дорогая, я очень рад твоему признанию, и поэтому я решительно хочу тебе заявить! Обещай мне,

Зайтуна, что ты откажешься от мысли пойти добровольцем на фронт! Я остаюсь по уважительной причине, поэтому нам надо доучиться в училище, устроиться вместе в какой-нибудь театр, нести со сцены великие образы театральных произведений! Кто-то должен этим заниматься в это трагическое время?! И... я хочу предложить тебе свои руку и сердце! Давай поженимся и создадим творческую семью...

ЗАЙТУНА. Фиргат, дорогой мой, спасибо тебе за предложение! Я ценю твой поступок... но всё это как-то неожиданно. Ты не обижайся, но мне надо подумать, обратиться со своими мыслями и чувствами. Я ещё до конца не решила для себя: продолжить ли учёбу или записаться в добровольцы, чтобы пойти на фронт. В любом случае ты, Фиргат, будешь всегда в моём сердце! Но сейчас не время думать о женитьбе, Родина в опасности!

В это время в репетиционную комнату, смущаясь, входит Гульшат.

ГУЛЬШАТ. Простите меня, я оставила свою роль... Я сейчас возьму её и уйду.

ФИРГАТ (*резко отвернувшись от Зайтуны*). Да, конечно, возьми свою тетрадь с ролью. Может, и ты надумала идти в добровольцы?

ГУЛЬШАТ. Я... я ещё не думала об этом...

ЗАЙТУНА. Пошли отсюда, Гульшат. (*Уходят вдвоём.*)

Фиргат. Ну что ж, раз дело приняло такой оборот, то я обязательно добьюсь моей отправки на фронт! Как сказал Арслан, я же упёртый! Да, именно так и никак иначе! Но об этом никто не должен знать! Решено!

Затемнение.

КАРТИНА 2

*На песчаном холме появляется пожилой Бадма.
Подставляет ладони к сыплющемуся сверху песку.*

БАДМА. Время, время... В те годы оно, казалось, стремительно потекло. Надо было быстро решать ряд задач, менять цели и отношения. Но на самом деле время текло всё так же, размеренно, как в колбах песочных часов. Молодость, первые свидания, первая любовь — всё перечеркнула война своей костлявой рукой. В одночасье все вдруг повзрослели, переполненные патриотизмом к своей Родине. Зайтуна Альбаева приняла для себя решение — она записалась в военную школу связистов.

КАРТИНА 3

На плацу, в школе связистов г. Элисты, после строевой подготовки девушки-курсантки в летней военной форме, отдыхая, делятся своими впечатлениями.

1-я КУРСАНТКА. Фу-у, как я устала, аж ноги гудят с непривычки!

2-я КУРСАНТКА. Да, есть малость. Но ничего, на войне ещё тяжелее будет.

3-я КУРСАНТКА. Ага, на спине потаскаешь тяжеленную рацию да по-пластунски по грязи или снегу поползаешь, вот тогда вспомните наши тренировки!

ЗАЙТУНА. Не надо, девочки, говорить о трудностях. Они всегда были и будут в жизни! Что уж об этом говорить. Скоро уже нам придётся расстаться, получив распределение по фронтам. Давайте лучше обменяемся адресами, может, придётся ещё не раз встретиться после Победы?!

2-я КУРСАНТКА. Да, точно, хорошее предложение!

1-я КУРСАНТКА. Но у нас нет ни карандаша, ни бумаги!

3-я КУРСАНТКА. Я сейчас сбегаю в барак к Лиде Стахеевой, она сразу пошла к себе, строчить письмо до-мой! Я всё принесу! (*Убегает.*)

ЗАЙТУНА (*задумчиво*). Что-то из дома нет писем, да и от Фиргата нет ответа... Я ведь давно ему написала письмо с указанием полевой почты. Ой, что-то тревожно мне, да и девчонки-однокурсницы тоже не пишут мне.

2-я КУРСАНТКА. А сама ты откуда? Где ты училась, Зайтуна?

ЗАЙТУНА. Сама я из села Киргиз-Мияки, что в Башкирской АССР, отучилась в школе и поступила в Уфимское училище искусств на актёрское отделение, закончила только первый курс — и тут война.

1-я КУРСАНТКА. Так ты на актрису училась? Вот здорово! А ты можешь нам что-нибудь изобразить?

ЗАЙТУНА. Могу, но сейчас не время и не место что-то изображать. Давайте я лучше вам прочитаю стихи, нашего башкирского поэта Сайфи Кудаша «Клятва молодого поэта».

Я могуч, как море, я отважен,
Чёрным силам не убить меня.
Грудью я встречаю войско вражье,
Не отдам я в битве солнца дня.

Пусть враги и рубят, и стреляют,
Грудь моя — могучий щит теперь.
Пусть хоть горы на меня свергают —
Устою, не упаду, поверь.

Раздавить меня судьба стремится —
Не раздавит! Не согнуть мой стан!
Кто свободен — смерти не страшится,
Я свободен, я — свободы Хан!

Пусть нависла ночь завесой мгlistой,
В дружбе я с надеждою всегда.

Не завидую звезде лучистой,
Сам я — точно яркая звезда.

Не страшат ни казни, ни проклятья,
Не боюсь я ни преград, ни мук.
За народ готов всю жизнь отдать я,
И пера не выпущу из рук!

Все громко захлопали в ладони с криком «браво!»

ЗАЙТУНА. Спасибо, спасибо, мои дорогие! Ну, прямо как в театре аплодисменты!

(В это время подбегают 3-я КУРСАНТКА и ЛИДА СТАХЕЕВА, которая держит треугольник письма).

ЛИДА СТАХЕЕВА. Ну, пляши, Зайтуна, тебе письмо из дома!

3-я КУРСАНТКА. Да-да, танцуй, Зайтуна, иначе мы не отдадим тебе письмо!

Зайтуна, обрадовавшись, танцует бакирский танец, напевая мелодию.

1-я КУРСАНТКА. Bravo, bravo, Зайтуна! Какой красивый танец!

ЛИДА СТАХЕЕВА *(передавая письмо Зайтуне)*. Вот так уважила, так уважила! Одно загляденье, твой танец!

Зайтуна разворачивает треугольник письма и отходит в сторону, начинает читать вслух себе.

ЗАЙТУНА. «Здравствуй, Зайтуна! Пишет тебе Хакима. Учёба продолжается, правда, в группе у нас остались одни девчонки. Мальчиков всех призвали в армию. Даже Арслана, который хотел остаться и продолжить учёбу. Но для нас стало неожиданностью то, что наша тихоня Гульшат ушла добровольцем на фронт! Представляешь,

Гульшат сделала свой выбор в пользу фронта! Понятно, ты ушла, ты же сама не скрывала своего намерения. Наши педагоги, да и все мы очень жалеем, что ты ушла добровольцем в армию. Ведь ты у нас самая талантливая, с большим творческим потенциалом!

Но, самое главное, это то, что Фиргат добился своего — ушёл на фронт! В последнее время он замкнулся в себе, ни с кем не разговаривал, сторонился всех. Потом он и вовсе пропал, не ходил на занятия. Я с Каримой пошла к нему домой узнать, в чём дело. Его мама, Зульфира апа, сообщила нам, что Фиргат ушёл в армию. Оставил запечатанное письмо, адресованное тебе, Зайтуна! При этом наказал ей, что, если он не вернётся с войны, пусть она передаст его Зайтуне Альбаевой. Бедная Зульфира апа так горько плакала, что и мы сами расплакались. Ведь она потеряла своего мужа на войне с белофиннами в 1940 году, и Фиргат у неё единственный сын. Я и Карима обещали навещать её, помогать по дому, заодно узнавать вести от Фиргата.

Как ты там? Ты писала нам, что находишься в военной школе. Когда пошлют вас на фронт? Пиши нам по возможности чаще, делись новостями. Береги себя, Зайтуна!

С творческим приветом — твои одноклассницы! *(Зайтуна, дочитав письмо, присела на корточки и заплакала).*

ЗАЙТУНА. Фиргат, дорогой, как же так? Ты ведь не должен был идти в армию! Я была уверена, что тебя не возьмут из-за плохого зрения! Это я виновата в этом! Ну почему я не открылась тебе, не сказала, что люблю тебя?! Ты назло мне пошёл в армию, ты добился этого! Какая же я глупая! Фирга-а-а-т...

Лида Стахеева и курсантки обступили сидящую Зайтуну.

ЛИДА СТАХЕЕВА. Зайтуна, что случилось? Почему ты плачешь?

1-я КУРСАНТКА. Кто-то из родных погиб?

ЗАЙТУНА (*продолжая плакать*). Мой любимый Фиргат, мой одноклассник, ушёл в армию. У него плохое зрение, а он ушёл!

2-я КУРСАНТКА. Ну ничего, живой ведь! Наверняка его направят на вспомогательные работы с таким зрением.

ЛИДА СТАХЕЕВА (*поднимая под руку Зайтуну*). Успокойся, Зайтуна, даст Бог, всё обойдётся, и вы встретитесь после нашей победы!

ЗАЙТУНА (*отстраняясь от Лиды Стахеевой*). Вы ничего не понимаете! Мой Фиргат не станет отсиживаться в тылу фронта, он обязательно будет рваться на передовую! Ведь он подумал, что я отвергла его! Я поступила с ним жестоко, не откликнулась на его предложение руки и сердца!

ЛИДА СТАХЕЕВА. Ты вот что, Зайтуна, напиши письмо той, которая прислала это письмо. Как там её?..

ЗАЙТУНА (*успокоившись*). Хакима.

ЛИДА СТАХЕЕВА. Так вот, напиши Хакиме, чтобы она узнала полевую почту Фиргата и прислала её тебе. Ты сама ему напишешь в письме, как ты его любишь! Это согреет его сердце, он не станет понапрасну рваться в бой!

ЗАЙТУНА (*вытирая платочком слёзы*). Да-да, я так и сделаю!

Лиды Стахеева, увидев бегущего к ним начальника школы связи, скомандовала.

ЛИДА СТАХЕЕВА. В одну шеренгу становись! Равняйся, смирно! (*Строевым шагом подошла к подбежавшему майору, начальнику школы связи, отдавая честь*). Товарищ майор, курсанты школы связи после прохожде-

ния строевой подготовки построены! Доложила старшая группы, курсант Лидия Стахеева!

МАЙОР. Здравствуйте, товарищи курсанты!

КУРСАНТКИ (*хором*). Здравия желаем, товарищ майор!

МАЙОР. Слушайте приказ военного командования, по школе связи. «Приказ номер 116-с от 10 июля 1942 года. По завершении краткосрочных курсов связи направить по фронтам и приданным им воинским частям следующих товарищей: курсант Лидия Стахеева и курсант Зайтуна Альбаева направляются на Сталинградский фронт в распоряжение 44-го отдельного батальона ВНОС 60-й армии! Приказ ясен?

ЛИДИЯ СТАХЕЕВА И ЗАЙТУНА АЛЬБАЕВА (*хором*). Так точно!

МАЙОР. Курсанты Стахеева и Альбаева, два шага вперёд! Остальные — разойдись! (*Обращаясь к вышедшим курсанткам, спокойным тоном*). Отбываете немедленно, на сборы даю полчаса. За вами заедет машина, она отвезёт вас на железнодорожный вокзал. Там вы погрузитесь на литерный эшелон, отбывающий до Сталинграда. Вы, девочки, берегите себя. Я, возможно, сам там окажусь. Вчера подал рапорт.

ЛИДА СТАХЕЕВА. А как же школа?

МАЙОР. Обстановка меняется, немцы прорвали фронт и приближаются к Ремонтному. Не сегодня-завтра будут в Элисте. Только об этом никому ни слова. Школу переформируют и направят в другое место. Прикомандируют нового начальника школы. Так что, девочки, может, мы вместе повоюем, а то я совсем прокис на этой службе. Ну всё, пора вам собираться, времени у вас мало! Кругом, бегом марш!

АНТРАКТ

ДЕЙСТВИЕ 2

КАРТИНА 4

Затемнение. На сцене, в луче прожектора, стоит пожилой Бадма.

БАДМА. А в это время враг приближался к городу на Волге, Сталинграду. Недавно образованный Сталинградский фронт спешно формировал дивизии и полки для организации обороны города. Наши героини оказались в одной группе ВНОС (внешнего наблюдения, оповещения и связи) противовоздушной обороны Сталинградского фронта. Группу, в которую вошли Лида Стахеева и Зайтуна Альбаева, возглавил старшина Пётр Головатов, умудрённый опытом прошедших боёв. Группу направили за 120 километров от Сталинграда на юг, в калмыцкие степи, близ села Садовое. На раскалённом от августовского зноя песчаном холме под названием «Песчанка», недалеко от дороги Сталинград – Элиста, расположилась группа ВНОС, обустривая пункт наблюдения.

Затемнение.

КАРТИНА 5

ЗАЙТУНА (*вытирая пот с лица и шеи платком*). Вот жара! Хоть бы дождичек немного покапал...

ЛИДА СТАХЕЕВА. Да, дождичек сейчас бы не помешал нам... Сели бы под плащ-палатку и — красота!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. А кто за небом наблюдать будет?

ЛИДА СТАХЕЕВА. А вы на что, товарищ старшина? Вы ведь у нас главный смотрящий! (*Смеётся*).

ПЁТР ГОЛОВАТОВ (*поправляя бинокль, висящий на груди у него*). Эх, бойцы называются! Чем смеяться да балагурить, лучше бы оружие своё почистили от песка.

Боец Альбаева! Проверить связь и доложить первому о завершении работ на месте и готовности выполнения задания!

ЗАЙТУНА (*приложив ладонь к виску*). Есть проверить связь и доложить о готовности, товарищ старшина! (*Подошла к аппарату связи и начала проверку.*)

ЛИДА СТАХЕЕВА (*наблюдая в бинокль, как и старшина*). Товарищ старшина, разрешите вопрос?

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Разрешаю, боец Стахеева.

ЛИДА СТАХЕЕВА. Если немецкие бомбардировщики будут через нас лететь, то они могут сбросить бомбы на нас?

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Не думаю, мы для них слишком незначительная цель. Им дан приказ бомбить Сталинград. Вот если появится истребитель марки «Мессершмитт» в свободной охоте, то он нас обязательно обстреляет из пулемётов, если заметит. Поэтому мы и замаскировали нашу точку. А ещё, охотясь, немец обязательно будет атаковать вон те машины, которые двигаются по дороге, снабжая наших в Сталинграде. Поэтому маскировка — главное в нашем деле!

ЗАЙТУНА (*наладив связь*). Первый, первый, ответьте тридцатому!

Слышится голос со стороны: Первый слушает! Что там у вас?

ЗАЙТУНА. Докладываю: суслики обустроились, готовы к выполнению задания! Конец связи! Товарищ старшина, связь налажена, о готовности доложила!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Добре, Зайтуна! Стахеева, продолжать наблюдение!

ЛИДА СТАХЕЕВА. Есть вести наблюдение!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ (*спустившись к Зайтуне*). А скажи-ка мне, Зайтуна, ты из Башкирии? Чем занималась до войны?

ЗАЙТУНА. Да, я из Башкирской АССР. Училась в Уфимском училище искусств на актёрском отделении, отучилась на первом курсе. Да вот война помешала, добровольно ушла в армию, окончила краткосрочные курсы связистов, и вот я теперь здесь.

ЛИДА СТАХЕЕВА (*оторвавшись от наблюдения в бинокль*). Мы вместе учились в школе связистов, и нас вместе направили сюда...

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Вот оно что... Так ты студентка, сама ушла на фронт? Да... Непросто, наверное, было решиться на это. А сколько же тебе лет, Зайтуна?

ЗАЙТУНА. Недавно исполнилось двадцать...

ЛИДА СТАХЕЕВА. А мне скоро будет 23!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Ох, девочки... Вам бы замуж выйти, нарожать детишек, растить и воспитывать их, а не воевать. Война — дело мужское. Ну да ладно, может, ещё и семьёй обзаведётесь, после победы. Так ты говоришь, что в Уфе училась? Я ведь тоже там был, в тамошнем военном госпитале, после ранения. Город толком не удалось посмотреть. Стахеева, спустись вниз, помоги Зайтуне харчи собрать, пора уже и подкрепиться. (*Полез на верхушку холма*).

ЗАЙТУНА. Сухой паёк, выданный нам, в порядке, а вот с водой туговато будет, фляжки почти пустые.

ПЁТР ГОЛОВАТОВ (*наблюдая в бинокль*). Это ещё что за явление Христа народу? Малец какой-то прямо на нас идёт! Эдак он нас демаскирует, сорванец!

ЛИДА СТАХЕЕВА (*смотрит в бинокль*). Да, действительно, мальчик идёт, бидон тяжёлый, видно, несёт. Может, там вода? Нам бы вода не помешала сейчас.

На холме появляется мальчик, калмык, лет двенадцати, с бидоном в руке.

МАЛЬЧИК БАДМА. Здравствуйте! А что вы здесь делаете?

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Что делаем, тебе не надо знать! Что стоишь? Иди, куда шёл! Да смотри, никому о нас не говори, что видел здесь! Ясно тебе?

ЗАЙТУНА. Ну зачем вы так, он же мальчик, из любопытства спросил!

В это время мальчик Бадма, увидев Зайтуну, уронил бидон, раскинув широко руки побежал к Зайтуне.

МАЛЬЧИК БАДМА. Сестра, сестра, Саглара! (Обнял Зайтуну). Я знал, что увижу тебя!

ЗАЙТУНА (*растерявшись, оглядывая всех*). Ты кто такой? Как тебя зовут? Я не сестра твоя, я Зайтуна, а не Саглара!

МАЛЬЧИК БАДМА (*отстранившись*). Как не Саглара? Я — Бадма, твой братик! Ты же моя сестра, в прошлом году ты ушла на войну! Я сейчас позову маму!

ЗАЙТУНА (*перехватив за руку собравшегося бежать Бадму*). Постой! Никого не надо звать! Нас не должен видеть никто! Я правду тебе говорю, ты обознался!

МАЛЬЧИК БАДМА. Правда? Ты очень похожа на мою сестру Саглару, только вот ты в военной форме. Меня зовут Бадма, я из вон того села. Нёс воду маме, на чабанскую точку. Она там за овцами ухаживает.

ЛИДА СТАХЕЕВА. Да, мальчик Бадма, ошибся ты! Это не Саглара, а Зайтуна, понимаешь? Жаль, что ты воду пролил, её нам и не хватает.

МАЛЬЧИК БАДМА. За селом есть овраг, а в нём родник. Вот там я и беру воду. Если хотите, я сбегаю туда и наберу её для вас!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Вода-то нужна, но только тебе нельзя к нам, понимаешь? Кто-нибудь заметит тебя, бегающего сюда, — для нас беда случится!

МАЛЬЧИК БАДМА. Понимаю! А я ночью вам принесу воду, чтобы никто не заметил меня. А сейчас я побегу

назад, надо маме воды принести! (*забирая бидон у Лиды Стахеевой, обернулся к Зайтуне*). А всё-таки ты очень похожа на мою сестру!

Уходит. Звучит музыка курая, Зайтуна с тоской провожает взглядом Бадму.

КАРТИНА 6

На песчаном холме под плащ-палаткой ведут наблюдение Пётр Головатов и Лида Стахеева. Зайтуна налаживает связь. Слышен нарастающий гул самолётов.

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Внимание, бойцы! Зайтуна, связь готова?

ЗАЙТУНА. Так точно! Первый на связи!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Передавай! Наблюдаю немецкие бомбардировщики «Юнкерс-88» в количестве 32-х самолётов! Летят на высоте 600 метров, юго-западнее, со стороны станции Абганерово!

ЛИДА СТАХЕЕВА. Наблюдаю немецкие истребители «Мессершмитт-109» в количестве 12 самолётов! Сопровождают бомбардировщики, на высоте 700 метров!

ЗАЙТУНА. Первый, первый, наблюдаем немецкие бомбардировщики «Юнкерс-88», в количестве 32-х самолётов! Летят на высоте 600 метров, юго-западнее станции Абганерово! Их сопровождают истребители «Мессершмитт-109», в количестве 12 самолётов. Летят на высоте 700 метров! Как поняли? Так точно! Товарищ майор, это вы? Я узнала ваш голос! Как я рада слышать вас! Что? Есть не занимать эфир! (*Кладёт трубку на аппарат*). Лида, это наш майор, он принял нашу информацию! Он в Сталинграде!

ЛИДА СТАХЕЕВА. Вот здорово! Всё-таки он добился своего! Может, удастся повидаться с ним после выполнения задания?

Пётр ГОЛОВАТОВ. Прекратить лишние разговоры!

ЛИДА СТАХЕЕВА (*пытаясь перекричать гул самолётов*). Как страшно! Словно душу из груди вынимают!

ЗАЙТУНА (*перекрикивая гул самолётов*). Крепись, Лида, сейчас пролетят! Надо держаться!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ (*отряхивая с себя песок*). Испугались, девочки? С крещением вас! (*Улыбается*.) Главное, это то, что мы вовремя заметили самолёты и передали эту информацию! Теперь ПВО Сталинграда поджидает их! Посмотрим, сколько штук вернётся на свою базу!

ЛИДА СТАХЕЕВА. Да, страшновато было с непривычки!

ЗАЙТУНА. А я в этот момент думала о нашем майоре. Он узнал меня, но не подал виду, только отругал.

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Правильно сделал, что отругал, этот ваш майор. В нашем деле главное — краткость, чёткость и быстрота! От этого зависит готовность ПВО и всей обороняющейся армии. Мы ведь их глаза и уши на оккупированной территории противником. Темнеет, пора нам подкрепиться, девчата. Доставайте сухие пайки из вещмешков.

ЛИДА СТАХЕЕВА (*наблюдая в бинокль*). Кажется, наш мальчик Бадма идёт! Тихонько крадётся! И бидон с водой несёт!

*На холме появляется мальчик Бадма, в свете луны,
с бидоном в руках.*

МАЛЬЧИК БАДМА. А вот и я, принёс вам воды. Меня никто не видел!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Это хорошо, что тебя никто не видел. Молодец, что принёс нам воды. Давай сюда, под плащ-палатку. Лида, доставай фляжки, будем их наполнять.

ЗАЙТУНА (*приобняв Бадму*). Ты умничка, сдержал своё слово!

МАЛЬЧИК БАДМА. Как я испугался, когда самолёты пролетали! А вам не страшно было?

ЗАЙТУНА. Тоже было страшно, но мы солдаты, должны не бояться ничего и делать своё дело! Мы же на войне. А немцев ты не видел там, за селом?

МАЛЬЧИК БАДМА. Нет, не видел, их не было у нас. *(Помолчал)*. Ты и впрямь похожа на мою сестру. Мама сказала, что к нам пришла похоронка на неё. Погибла смертью храбрых. До этого она мне ничего не говорила, поэтому я, увидев тебя в военной форме, подумал, что это Саглара. А теперь её нет, и я больше её никогда не увижу. *(Хочет заплакать.)*

ЗАЙТУНА. Не плачь, Бадма, это война. Она никого не щадит. Твоя сестра Саглара выполнила свой долг! Светлая ей память. А тебе надо дальше жить, помогать маме по хозяйству. Давай я тебе утру слёзы своим платочком. Вот так... Хочешь, я тихонько спою тебе нашу башкирскую песню?

МАЛЬЧИК БАДМА. Хочу! Значит, ты не калмычка, а башкирка?

ЗАЙТУНА. Да, Бадма, я — башкирка. Ну, слушай песню. *(Зайтуна поёт.)*

У меня родился брат!
Я, конечно, очень рад.
Только этот братик,
Не встаёт с кровати.
Как не будешь тут сердит?
Днём мой брат
Всё время спит,
Плачет среди ночи,
А играть не хочет!
Долго братик мой растёт,
Но уже я знаю —
В нём души не чаю!

Я его не тороплю!
Я его и так люблю!
Он такой хороший!
Он немножко на меня...
На меня похожий!

МАЛЬЧИК БАДМА. Как хорошо ты поёшь, правда, слова я не понял, но мне понравилось! Сестра Саглара тоже пела калмыцкие песни, когда я спать ложился.

ЗАЙТУНА. Хочешь, теперь я стану твоей сестрой, Бадма?

МАЛЬЧИК БАДМА. Хочу, вот здорово! Одну сестру я потерял, зато другую нашёл! (*Смеётся.*) Как тебя зовут, я забыл твоё имя.

ЗАЙТУНА. Зови меня просто — Зайтуна! А по документам я Зайтуна Альбаева, из Башкирии, если что.

МАЛЬЧИК БАДМА (заворожённо). Зай-ту-на... Я запомнил!

ЗАЙТУНА. Вот и хорошо, что запомнил! И я запомню тебя, братишка Бадма из Калмыкии! После войны обязательно встретимся, хорошо?

МАЛЬЧИК БАДМА (радостно). Хорошо, сестра Зайтуна!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Так, родственнички, пора прощаться. Бадме надо к маме попасть! А то она переживает, наверное, за него. Бери свой бидон и беги к маме, Бадма!

МАЛЬЧИК БАДМА. Хорошо, дядя-солдат, я всё помню, что вы мне сказали! До свидания! (*Убегает.*)

Затемнение.

КАРТИНА 7

В луче прожектора появляется пожилой Бадма.

БАДМА. Эта ночная встреча с Зайтуной перевернула моё сознание. Я тогда бежал к маме как окрылённый. Я

вновь обрёл сестру в лице Зайтуны. Передо мной стоял образ Зайтуны, в душе звучала её песня. Хоть я ничего не понимал, но я чувствовал, что эта песня обо мне! В тот момент мне хотелось побыстрее добежать и рассказать об этом маме. Но, вспомнив слова дяди солдата, я отказался от этой мысли. Я бежал и думал о том, как мы встретимся с сестрой после войны. Проклятая война! Кто же знал, что назавтра я в последний раз увижу Зайтуну.

КАРТИНА 8

На холме под навесом плащ-палатки, лежит и наблюдает за небом Пётр Головатов. Лида Стахеева чистит свою винтовку. Зайтуна налаживает связь.

ЗАЙТУНА. Первый, первый, это тридцатый! Проверка связи! Здравствуйте, товарищ майор! Мы с Лидой вместе на этом задании, она тоже передает вам пламенный привет!

МАЙОР (*его видим в противоположной стороне, на том конце связи*). Зайтуна, девочки мои! Я тоже рад вас слышать! Я всё знаю о вас и очень волнуюсь. Слышимость хорошая. Оставайтесь на связи, а сейчас готовьтесь к выполнению задания!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Зайтуна, под трибунал захотела? Я же предупреждал тебя, не рассекречивать группу и не забивать линию ненужной информацией!

ЛИДА СТАХЕЕВА. Да что она сказала-то? Всего два слова нашему майору! Он нам был как отец на курсах связистов!

ЗАЙТУНА. Виновата, товарищ старшина! Не сдержалась...

ПЁТР ГОЛОВАТОВ (*наблюдая в бинокль*). Опять этот малец бежит! Я же сказал ему, чтобы он не приходил сюда! Вот сорванец!

ЛИДА СТАХЕЕВА (*взяв бинокль и глядя вдаль*). Действительно, шибко бежит и без бидона. Может, что случилось?

ЗАЙТУНА (*взяв у Лиды бинокль*). А ну, дай я посмотрю на своего новоявленного братишку! И правда, быстро бежит! Небо, вроде, чистое...

На холме появляется мальчик Бадма. Он тяжело дышит, опершись руками о колени.

МАЛЬЧИК БАДМА. Что вы здесь лежите? Уходить вам надо! Немцы на мотоциклах въезжают в село! В колясках у них пулемёты! Уходите скорей!

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Ты точно немцев видел? Сколько их?

МАЛЬЧИК БАДМА. Точно видел! А сколько их, я не считал.

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Так... Ты вот что, малец. Беги к своей маме и не попадайся немцам! А мы тут покумекаем, что и как.

Мальчик Бадма, убегая, помахал им рукой.

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Дело принимает неожиданный поворот. В сложившихся обстоятельствах я вынужден принять решение. Слушайте мой приказ! Боец Стахеева! Возьмите свою винтовку и вещь-мешок и бегом за мной! Двигаться будем вон в том направлении, на восток. Зайтуна Альбаева, передашь информацию о немцах и нашу вынужденную передислокацию. Прихватишь аппарат и следом за нами. Направление твоего движения я указал. Приказ ясен?

ЛИДА СТАХЕЕВА. Разрешите, товарищ старшина, остаться с Зайтуной, я помогу ей?

ПЁТР ГОЛОВАТОВ. Не разрешаю! Зайтуна и без вас справится! Нам надо выбрать новое место и обустроиться, чтобы продолжить выполнение задания командо-

вания. Дорога каждая минута! Вслед за мной — марш!
(*Быстро уходят.*)

ЗАЙТУНА (*наладив связь*). Первый, первый, это тридцатый! Передовая группа немецких мотоциклистов въехала в село Садовое! Двигаются по просёлочной дороге, прямо на нас! Старшина приказал передислоцироваться. Я осталась одна для передачи информации. Товарищ майор, кажется, я не успею покинуть позицию! Немцы слишком близко! Принимаю решение: дать бой, чтобы задержать их и позволить нашим оторваться от них! Прощайте, я погибаю за Родину! Конец связи!

Зайтуна, взяв винтовку, стреляет в аппарат. Затем ложится наверху холма и прицеливается.

ЗАЙТУНА. Сейчас, сейчас я задам вам жару, сволочи!
(*Стреляет, передёргивая затвор.*) А, не ожидали? Струсили, залегли, сволочи! (*Опять стреляет.*)

В это время в её сторону летит немецкая граната. Раздаётся взрыв. Из-за холма выползает мальчик Бадма.

МАЛЬЧИК БАДМА. Сестра, сестра, Зайтуна! (*Обнимает распростёртую Зайтуну. Плачет.*) Как же так? Почему ты не ушла со всеми? Зачем осталась? Вот и тебя, сестра, я потерял! Ты тоже покинула меня, как Саглара! Прощай, я не забуду тебя!

Мальчик Бадма тяжело поднимается, накрывает Зайтуну плащ-палаткой.

Затемнение.

КАРТИНА 9

Высвечивается сцена. На холме стоит высокий пилон. Сверху сыплется песок.

Пожилый Бадма, стоя у пилона, подставляет ладони песку.

ПОЖИЛОЙ БАДМА. Вот так оборвалась жизнь моей героини Зайтуны Альбаевой. Я тогда с трудом перенёс гибель Зайтуны, впрочем, как и потерю своей сестры Саглары. Город на Волге выстоял, наша армия погнала фашистов вспять! И в этой победе есть частичка вклада Зайтуны, пожертвовавшей собой ради нашего сегодняшнего дня. Своим поступком Зайтуна Альбаева породнила наши народы: башкирский и калмыцкий! В этом единстве есть залог успеха, в отстаивании независимости и свободы нашего государства — Российской Федерации! Жизнь продолжается. Так давайте же всегда помнить своих Героев, чтобы подобное никогда не повторилось вновь!

На заднике появляются кадры с места захоронения Зайтуны Альбаевой в с. Садовое. Видны жители села, казаки Сарпинского района, поисковая группа из Башкортостана, юнармейцы, представители администрации района. Идёт митинг, все возлагают цветы к новому могильному памятнику Зайтуны Альбаевой. Звучит торжественная музыка, переходящая в звучание башкирского курая.

КОНЕЦ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Ремзи ДЕВЛЕТОВ —

перевод на крымскотатарский язык рассказа

Александра ПЕТРЕНКО (г. Краснодар)

«ОПОЛЧЕНКА»

«ХАЛКЪ ОРДУСЫНДАН БИР КЪАДЫН»

(Олып кечкен вакъиялар эсасында)

«Я бу сен, къайгъы бильмеген къадынсынъмы? Сенде мындасынъмы?»

Достлар, таныш-билишлер ве онынъ ичтимаи агъларнынъ саифесине киргенлернинъ итибарыны мешур романнынъ сонъки ибареси олгъаныны таныдылар. Энь сонъки сатырлар! Эндиден сонъ бу йигирими секиз яшлы якъымлы къыз, устюнде камуфляж урба ве башында каскасы олгъан, ичте бир шей язмаджакъ ве икметли цитаталар тиклемеджек!

* * *

О Донбастан бинълеп километр узакъта олгъан, Сибирнинъ там юрегинде ерлешкен койде дунья юзюни

корьди. Эр кес киби о кучюк аятыны балалар багъчасында башлады, сонъра исе Красноярск улькеси Железногорск шеэриндеки лицейде девам этти.

Тербиеджилер ве оджалар бу орьме сачлы кызычыкъта «бир оба» къабилиетлер кешф эттилер.

— Буюсе балерина олур. Шубесиз! Чюнки пластикасы мукеммель.

— Музыканы севе. Кеманени бегене. Дирек консераториягъа окъумагъа кире биле.

— Бу кызычыкъ тайганы пек севе. Анасы ве бабасынен тайгада кезе! Къобалар ве маден къайнакларынен зевкълана. Бир шей демейип одун азырлар, атеш якъар. Мектепте мезун олгъан сонъ, геология факультетине кире биле!

— О огълан къардашынен гимнастика тегерегине къатнай. Мына, мен сизге айтайым: «Къоркъу бильмеген бала!» Даа бир кере биле мешгулиетлерге кельмегенини корьмедим. Мен иле бир фикирде оладжагынъызгъа шубем ёкъ — о он йыл, белькимде даа эртедже, кокюсинде «Спорт гимнастикасы устасы» деген нишанны ташыджакъ! Буны эпимиз корермиз.

* * *

Языкълар олсун! Устазлар янъылыштылар. Лицейни о битирмеди. Секизинджи сыныфтан сонъ о Красноярск улькесинде мешур олгъан физика-математика мектебине кечти. Бу мектепке «Космонавтлар мектеби» дей эдилер. Сонъра алий окъув юртунда мимарджылыккъа окъуды. Узаккъа бармады, о анылады ки — бу зенаат онынъ дегиль. Къыз журналистикагъа авес олды ве телевидениеде чалышмагъа башлады.

* * *

Бу сырада къоранта янъы ерге кочти. Воронеж областына. О исе къалды. Чюнки севгисини тапты. Огълу

олды. Амма бахтлы аиле олмады. Бойле шейлер чокларда ве ськъ-ськъ олуп тура. Сибирде оны энди бир шей тутмай эди. Къорантасынынъ сыджакъ оджагы ве энъ муими, аасынынъ эр шей анылагъан козьлери онынъ къальбини чекмеге башлай.

Воронеж. 2014 йыл

Шеэрге ильк къачакъларны кетирдилер. Икяемизнинъ баш къараманы олар акъкъында репортажлар япмагъа башлады. Украина фаджиасынен багълы блог ача. Гонъюллилернен танышты. Олар эллерине сияяны Донбаснынъ азатлыгъыны къорумагъ ичюн алгъанлар.

* * *

Донецк вилаетининъ эр бир кошесине барып спонсорлар тапты. Оларнынъ парасына джебеге керекли олгъан емеклер, иляджлар, ве эльбетте, аскер урбалары алды.

* * *

Язгъан эди: Командировкагъа кеттим. Ана-бабама къайда кеткенимни бильдирмедим. Къайтып кельгенимнен, къапыны ачтым ве босагъаны басмайып сес чыкъарып айттым: «Мен Донбаскъа барып кельдим! Анам ичюн бу буюк шок олды!»

Бираз вакъыт кечкен сонъ: «Мен севген инсаным янында олмагъа ве онынънен яшамагъа истейим». Анама ве бабама пек мушкюль къабул эткен къараргъа кельдим — Донецке кочтюм. Университетке гыябий болюмге «Психология» факультетине окъумагъа кирдим.

* * *

Муджизе юзь берди! Кунълерден бири куню огълум Данил битасынен берабер исьянлы шеэрге келип чыкътылар. Огълумны Донецк мектебине къабул эттилер. Лякин эвлядым севимли анасынен бир айдан аз яшады,

чюнки гедже ве куньдюз шеэрдеки патлавлар аятны тын-члыгъыны ёкъ олгъаныны нумюнеси эди.

2018 йыл. Донецк-Воронеж ёлу. Инанылмаз ёргунлыкътан думен башында юкълап къалды. Буюк юк машинанынъ артына барып урулды. Бир айдан зияде экимлер оны о бир дюньядан бу дюньягъа къайтармакъ ичюн эл-леринден кельгенини яптылар.

Шукюрлер олсун, о тырмашып чыкъты. Онданда зияде, юрьмеге башлады ве университетке окъушына барды. Чюнки имтианларны озь вакъытында тапшырмакъ ве группасындан айырылмамакъ керек эди.

* * *

Хатырасына садыкъ олмакъ ичюн, Андрейнинъ батальонына язылмасына иришти. Онынъ аскерлерине психологик ярдым берди. Ве шу сырада джебе фельдшери зенаатыныда огренди.

* * *

Бу икяе баш караманынынъ Воронеждеки анасына язгъан мектюплерден сатырлар: Психология бильгилери файда берди. Аскерлер мутхиш сеснен:

— «Энди ампутация япаджакълармы?» — деп сорасалар, бойле джевап берем: «Энъ эсасы сен тирисинъ. Сен яшаджакъсын!»

Апрель 14 куню, 2022 йыл.

Мариупольде онынъ такъымы миномётлы уджюмге расткельди. Яралыларны къутармагъа башладылар. Эсас вазифе — оларны сыгъынаклы ерге кочюрмектир.

Амма, оны озюни мина парчаларындан ич кимсе къоруп оламады, чаресини тапмадылар...

* * *

О бир кимсени ве ич бир вакъыт ольдюрмедди. Оны исе ольдюрдилер! Къолунда безз хачлы къырмызы

токъума багълы олгъанына бакъмастан. Бойле токъуманы совет девринде балангъыч сыныф санитар-къызчыклары къолларына багълар эдилер!

* * *

Кене анасына ёллагъан мектюптен бир сатыр. Сонъки дженктен эвель язылгъан: «Урушта ольдюреджеклеринде къоркъмамалы. Ольдюрселер эр шей бите, сен ёкъсын. Яралансангда къоркъунчлы дегиль. Яралангъанда пек агъыры дуясын. Энь къоркъунчлысы шундаки — янынгда инсан олюм алында ятада, сен исе оны къутармагъа чаренъ ёкъ!»

* * *

Ал-азырда Валентина Галатова хызмет эткен батальоннынъ аскерлери Донецк Халкъ Джумхуриети Караманы унваныны берильмесине весикъалар азырлайлар.

*Перевод на крымскотатарский язык
Ремзи ДЕВЛЕТОВА*

ПРОЗА

Галина ДЕЙНЕГА

АННА

*Стихия искусства — есть правда, которая
отвечает ненасытной потребности нашей
души познать жизнь во всей её сложности.*

Александр Николаевич Бенуа

Анна — самое распространённое имя на земном шаре. Считается, что его носит почти сто миллионов женщин в разных странах, на разных континентах. Имя библейское, означает «благая», «благодарная». Известно, что имя человека определяет его характер, влияет на судьбу и нравственный облик. Оно обязывает, многое определяет и даже властвует. И это не удивительно, ибо имя — звуковая волна определённой высоты и тембра. Музыка имени Анна и её производных (Аня, Анечка, Анюта, Аннушка) звучит благозвучно.

Нельзя сбрасывать со счетов и астрологию. Зодиакальные созвездия тоже влияют на формирование характера человека.

С Анной, героиней этой повести, я познакомилась на праздновании моего юбилея. Пик лета. Жара. Приня-

то решение устроить застолье во дворе частного дома моей внучки в тени под раскидистыми деревьями. Анна приглашена как подруга и соседка внучки.

Все уже сидят за столом, и вдруг появляется картина с изображением лесного пейзажа, а затем и её автор — темноволосая молодая женщина на вид лет тридцати, стройного привлекательного телосложения, роста выше среднего, с чёткими чертами лица, словно высеченными из камня; с чёрными, изогнутыми дугой бровями, высоко поставленными над смелыми глазами, блистающими одухотворённостью, свойственной старинным портретам. Она сразу же создаёт зону высокого напряжения, проявив ум и дар слова.

Как и положено человеку, рождённому под знаком «Близнецы», Анна не могла спокойно усидеть за столом, находилась в постоянном движении, выполняла несколько дел сразу. Вскоре, сославшись на обстоятельства, она покинула нашу компанию.

Спустя год в том же месте отмечали мой очередной день рождения. На этот раз Анна пришла в гости с мамой, ладной энергичной женщиной на вид лет шестидесяти, с короткой стрижкой и приятной улыбкой на округлом лице. В руках у Анны — картина с изображением букета пионов в вазе. Такая же зона высокого напряжения. Превосходное чувство юмора, тактичность поведения, нетерпеливость. Ссылаясь на срочные дела, художница откланялась и удалилась, увлекая за собой и маму. Про эту Анну мне и захотелось рассказать читателям.

«Сегодня тема занятий: белое на белом», — начинает видеоурок преподаватель Академии живописи Онлайн Анна Маратканова. Изобразить надо пасмурный морозный день. За белыми деревьями, ветви которых гнутся под тяжестью снега, просматривается белое здание собора. За два часа сотни учеников из разных городов

и стран создадут собственные произведения, испытывают радостное чувство творца, создавшего что-то новое, чего не было раньше, что может повлиять не только на их жизнь, но и на судьбы других людей.

Это эпизод сегодняшних дней. Но у всего есть своё начало. Вернёмся на несколько десятилетий назад. Сёстры Татьяна, Валентина и Тамара — дальневосточницы. А это говорит о многом. На Дальнем Востоке свой быт, своя культура. Здесь больше внутренней свободы. Сильный, иногда грубый, по-хорошему бесцеремонный дальневосточный характер формируется в близости к природе, в условиях опасной стихии.

Сёстры хорошо учились в школе, мечтали о светлом будущем. С детства увлекались рисованием. Старшей, Татьяне, хорошо удавались портреты; средней, Валентине, — акварели; младшей, Тамаре, — рисунок. В 1974 году сёстры осиротели, и судьба раскидала их по разным городам. Младшая из сестёр, Тамара, по её просьбе осталась в Хабаровском крае заканчивать восьмой-десятый классы в интернате, который по совместительству был и детским домом для детей-сирот. Сёстры поддерживали связь между собой. Тамара не чувствовала себя покинутой, но годы, проведённые в интернате, всё же наложили свой отпечаток: жить в коллективе с высоким самоконтролем на виду у всех, быть организованной, самостоятельной, независимой. После окончания школы Тамара поступает в строительный техникум. Окончив его с отличием, переезжает в Севастополь к сестре Валентине, получившей двухкомнатную квартиру и оказавшейся с ребёнком без мужа.

Энергичная, трудолюбивая Тамара устроилась мастером в Севастопольское строительное управление. При приёме её на работу начальник заявил: «Всё. Никаких Томочек. Только Тамара Николаевна». А девушка в свои двадцать лет выглядела подростком.

Однажды в рабочей столовой, куда Тамара водила на обед племянника после его школьных занятий, она приглянулась друзьям, Николаю и Сергею. Ребята подошли познакомиться, представились. Услышав в ответ: «Тамара Николаевна», рассмеялись. Однако девушка была вполне серьёзна, держалась уверенно.

Вскоре Тамару послали на два месяца в Киев на курсы повышения квалификации. По возвращении она вышла на работу. Идёт по объекту, слышит, кто-то свистит. На свист девушка не среагировала. На зов: «Тамара Николаевна!» оглянулась:

— Николай?

— Николай Васильевич, — заметил парень ровным спокойным голосом.

Посмеялись. Человек, как музыка, либо цепляет с первых аккордов, либо не зацепит никогда. Эта встреча зацепила обоих и положила начало новым отношениям.

Заканчивался 1982 год. Николай пригласил Тамару отпраздновать 24 декабря его день рождения. Обещал ждать в девятнадцать часов у входа в общежитие, где проживал. В тот день Тамара, как активистка и передовик производства, была направлена на конференцию по подведению итогов года в городской Дом культуры. Она и одета скромно, как требует этикет: белая блузка, тёмная юбка. В перерыве заскочила в буфет. А там глаза разбежались. Торты! Да ещё какие красивые! Вспомнила: «Так сегодня же 24 декабря! Николай будет ждать в девятнадцать часов у входа в общежитие. Надо успеть!» Выбрав торт, Тамара помчалась домой, сменила униформу на красивое платье, вызвала такси. А за окном метель. Сестра Валентина, глядя в окно, вздыхает:

— И куда мчаться по такой погоде? Может, сами съедим торт? А?

— Нет! Я обещала, — возражает Тамара, не уверенная, что Николай действительно будет ждать её.

Девушка даже попросила таксиста сразу не уезжать. Запорошенный снегом Николай стоял у входа в общежитие. Глаза молодых людей встретились и улыбнулись друг другу. Тамара отпустила такси. Оставив на вахте свой паспорт (такие были порядки в общежитиях), вслед за Николаем поднялась в комнату, где за празднично накрытым столом компания ждала именинника с девушкой.

Застолье прошло весело. Постепенно гости разошлись. Николай пошёл провожать Тамару. Получив у вахтёрши паспорт девушки, он как-то машинально положил его в свой внутренний карман пиджака. Там документ и остался после расставания. Вот и появился у Тамары повод отправиться на следующий день в общежитие. А там получила и паспорт, и приглашение от Николая встретиться вместе 1983 год. Отпраздновали наступление нового года. Не хотелось расставаться. Вскоре Николай сделал Тамаре предложение выйти за него замуж. Молодые люди подали заявление в загс. Им установили дату — 4 марта. В указанный день они расписались. Невесте двадцать два года. Жених на три года старше. Тамара вскоре добилась права на комнату в общежитии строителей. В любви в 1984 году в семье родилась дочь Татьяна. С раннего возраста она радовала родителей успехами. В 1989 году Тамара получила служебную однокомнатную квартиру. В 1990 году в семье родилась вторая дочь, Анна.

Николай и Тамара оказались образцовыми родителями, заботливыми и любящими, требовали от дочерей уважения, послушания, соблюдения строгой дисциплины. Не баловали, не портили вседозволенностью. Молодые люди, крепкие физически, с высоким интеллек-

том создали хорошую семью, да времена приближались нехорошие. Жестокая история девяностых для нашего времени звучит уже эхом легенд, хотя жизненна и правдива. Всё изменилось радикально. Развал страны, инфляция, приватизация, обесценивающиеся деньги, разваливающаяся промышленность, бум торговли. Произошёл перелом в сознании людей. Резко размежевалось общество.

Для некоторых то время стало Клондайком, лихим временем для бизнеса, предпринимательства. Многих девяностые избаловали. К названию «лихие» добавилось «бандитские» девяностые. Можно было легко заработать деньги и ещё легче расстаться не только с деньгами, но и с жизнью. По всем здоровым человеческим стандартам девяностые оказались страшным периодом.

Для Николая, строителя от Бога, начало девяностых складывается удачно. Такие мастера нарасхват. Семья живёт в достатке. Тамара может не работать. Все в семье сыты, добротны одеты. Приобретают машину. Строят гараж. В мае 1993 года подходит очередь, получают двухкомнатную квартиру. Живи и радуйся. Но... 6 сентября 1993 года в день зарплаты Николай вдруг пропадает. Тамара подаёт заявление в милицию. На седьмой день в обнаруженном за городом трупе опознают избитого до смерти Николая.

Человека с ярко выраженными честностью, порядочностью, независимостью заметили бандиты. Слишком хорошо живёт. Должен делиться. Хотели припугнуть, да перестарались. Время было такое, что вполне могли убить человека, потому как «лихие бандитские девяностые». Творился полный беспредел. Всё произошедшее точно вписывалось в нравственность той эпохи.

Так в возрасте тридцати двух лет Тамара стала вдо-

вой. С двумя детьми: девятилетней Татьяной и трёхлетней Анной, осталась без работы, без средств к существованию. Твёрдость и воля призывали её полагаться на себя, на свои силы, но жизнь оказалась невыносимо трудной. Проданы за бесценок машина, гараж. Что дальше? Сёстры, Татьяна и Валентина, оказали поддержку. «Выжила бы я без их помощи? — вспоминает Тамара. — Трудно сказать».

Тамара отправилась искать работу. Требуется уборщица. Ухоженная женщина в роскошной шубе пришла к работодателю и привела того, мягко говоря, в состояние шока.

— Вы хоть понимаете, что уборщице надо мыть полы и вообще заниматься грязной работой? — выдал он в сердцах.

— Понимаю. Я мать голодных детей. Согласна выполнять любую работу.

Оклад уборщицы небольшой, но дети сыты, одеты, в доме порядок. А про мечты о доме с камином, с верандой, с цветником Тамаре пришлось забыть. Строгость к себе и к окружающим заставила её сдерживать свои чувства и эмоции. В строгости и порядке воспитывала она дочерей. Главное — не врать!

Жизнь в стране постепенно налаживалась. Тамара перешла работать в торговлю. Она не нашла себя в творчестве, но эта её склонность отразилась на любви к литературе, искусству, на развитии творческих склонностей у дочерей.

Сёстры Таня и Аня при разнице в возрасте шесть лет росли внешне похожими. Однако характеры их резко отличались. При яркой, талантливой Татьяне младшая Аня оставалась в тени. Сложное время в начале её жизни не способствовало раскрытию таланта. Старшей повезло прожить девять лет с любящим отцом. Младшая запомнила лишь, что отец был строг.

Коммуникабельная, общительная Татьяна постоянно ищет приключения на свою голову. И находит. Аня по сравнению с сестрой — зануда. С детства предусматривает пути отхода, понимает важность самосохранения, ничего не делает сломя голову. У неё хорошо развита интуиция. Она понимает, что сестра гениальна, что гениальных людей надо оберегать, и оберегает сестру, как может. Анну не отпускает страстное желание поговорить с отцом, послушать его советы при осознании, что это невозможно.

После окончания школы Татьяна поступила в филиал Одесского университета. Стала профессиональным художником. Расписывала Покровский собор. В Таню влюблялись все. В ней столько очарования! Она женственна, мягка и приятна. Когда Аня училась в одиннадцатом, выпускном, классе, Татьяна вышла замуж за музыканта и ушла из дома.

Аня, заканчивая школу, не могла определиться с выбором профессии. Ей нравилась математика, она успешно осваивала химию. Мама советовала стать экономистом. Но это, как считала девушка, не для её характера. Решила так: «Поучусь в художественном колледже, подумаю, кем захочу стать». Училась и подрабатывала официанткой. Получив специальность художника-оформителя, Анна осталась в общепите. Но это не было её призванием.

А Татьяна спешит жить. Вдруг... Это удивительное слово «вдруг»... Оно означает, что всегда не готовы к тому, что произойдёт. И действительно, вдруг... 21 апреля 2012 года Татьяна погибает в автокатастрофе.

Трагическая гибель Татьяны, многолюдное отпевание, похороны под прощальные аплодисменты глубоко врезаются в память Анны. Не давали покоя. Это была рана. Глубокая рана. Раненый зверь извечно кричит. Человеку кричать не пристало. Жаль...

«С гибелью сестры, — вспоминает Анна, — моя жизнь изменилась. Можно сказать так: до и после. В двадцать один год я столкнулась со сложной психологической ситуацией. Нет Тани... Она была художником! Почему? Почему талантливые люди рано уходят? Тяжело... У нас не принято посещать психиатра. Как человек гиперактивный, с огромной энергией, я не могла удержать в себе вихрь, торнадо. Не могла уснуть. Пыталась занять себя работой. Успокоиться не получалось.

Как-то я пришла с работы и бросила взгляд на лоджию, переделанную мамой в уютную мастерскую. Много лет там висел холст, прибитый прямо к стене. Я увидела тюбики с красками в вазочке, и мне страстно захотелось написать картину. Не знаю, как у меня получилось выдавить из тюбиков засохшие краски, накидать какой-то пейзажик и... успокоиться. Ночью я впервые за месяц уснула. А утром поняла, что живопись — это не просто картины, не просто искусство, а нечто большее».

Анна бралась писать картины, а у неё не получалось. Она выражала своё негодование швырянием мастихина в окно, бросанием холстов на пол. Спрашивала себя: «Почему у других получается? Я что, дура, что ли?» Эти моменты очень сильно расстраивали её. По двенадцать часов она корпела над холстом, чтобы получить задуманное. Ей захотелось учиться.

За оценкой своей работы Анна обратилась к специалисту, другу сестры, с которым Татьяна работала последнее время в Донецке. Отправила ему фотографию написанного женского портрета и до боли в висках, в тревоге, отнимающей всякую возможность чем-либо заниматься, наполнилась ожиданием. Пришёл ответ: «Татьяна была художником!»

Анна сидела в оцепенении и смятении, как бы схва-

ченная концами огромных щипцов. «Не-е-ет! — возразила она, приходя в себя. — Это мнение лишь одного человека». Колоссальная сила её сопротивления потоку чужой воли заставила обратиться к наставнику сестры, Игорю Сахарову. Скупой на похвалы, да и вообще на общение, тот прислал заключение: «Это рука настоящего художника». Анна расплакалась... Она вошла в состояние упоительной, музыкальной тревоги с мнением о себе как о человеке, которого ожидает цепь невероятностей. И это было только начало предстоящих событий.

Состоялся телефонный разговор:

— Я хочу у вас учиться рисовать. Приеду к вам в Киев. Возьмёте?

— Я уже в Москве.

После паузы:

— Приезжай в Киев. Придумаем.

Сахаров встретил Анну с букетом кисточек.

«Было много событий, — вспоминает Анна. — Сахаров наезжал в Киев. Обучил основам».

О периоде обучения у Сахарова Анна вспоминает так: «Мало кто верил, что я серьёзно хочу заняться живописью, продолжить дело своей сестры, вести мастер-классы. Сомневались, что так можно справиться со своими эмоциональными моментами. Близкие моей семьи, друзья и родственники разделились на два лагеря: первый лагерь поддерживал, помогал; второй возмущался: «Что ты начинаешь? Куда ты лезешь? Ты же не художник. Таня была художник, а у тебя не получится».

Все мои глобальные сомнения в душе так и оставались со мной. Что есть я? Чего хочу от жизни? Куда по жизни иду? Я должна была найти ответы на эти вопросы. Без страданий, творческого поиска, без испытаний, без переживаний, без ошибок результата не бывает! Благодаря этому мы учимся, растём».

Довольный успехами Анны, Сахаров разрешил ей преподавать. Она провела несколько уроков в Киеве и вернулась в Севастополь.

«Сейчас, когда видят мои результаты, — продолжает Анна, — гордятся все. Но никто не знает, каково было проходить этот путь. Как тяжело идти, долбить лбом стену, когда тебе не верят».

Уроки Анны сначала проходили в кафе «Грасс» на площади имени Ф. Ф. Ушакова. Людей записалось много. Методику обучения Анна подбирала интуитивно и индивидуально. На первом занятии она предлагала ученикам выбрать из множества картин и изображений те, которые им нравятся. По выбранным картинам раскрывала характер человека, понимала, что кому надо, где могут возникнуть трудности, с чего следует начать обучение. Кто-то захочет писать морской пейзаж, кто-то — картину в импрессионистической манере, кто-то — портрет или цветы. Одну и ту же картину учащиеся могут писать по желанию кисточкой, мастихином, да хоть пальцем или тряпочкой. Весь инструмент: холст, краски, кисти и прочее, всё, что необходимо для обучения, предоставлено ученикам в мастерской художника.

За три недели Анна провела тринадцать уроков для групп в десять-двенадцать человек. Среди выпускников её курсов оказались и те, кто, не имея профессионального художественного образования, достиг таких высот, что их картины охотно приобрели в России и за рубежом. Успешный проект просуществовал почти десять лет. Ему помешала пандемия. Да и преподаватель порядком устала.

На мой вопрос: «Был в твоей практике особо интересный случай?» Анна оживилась:

— Да! На второй год преподавания мастер-класса случилась мотивирующая история. Приходит на заня-

тия старушка, лет за восемьдесят. Ей мастер-класс подарили правнуки. Она очень сильно хотела научиться рисовать. Тяжело было с ней работать. Много времени потратили, но в конце курса картина получилась!

— Была радость?

— Ещё какая! Старушка берёт меня в охапку, крепко-крепко обнимает, и взхлёб ревёт. Пытаюсь её успокоить. Она, всхлипывая, признаётся: «Я с детства мечтала рисовать, но родители сказали: “Не смеши! Будешь деньги зарабатывать картинками?” Отравили в техникум. Работала на заводе. И только сейчас исполнилась моя мечта. В восемьдесят пять»!

Анна в ладу с собой и теми изменениями, которые принесло время. Она ясно ощущает, что если человек не увлечён чем-то большим, захватывающим, творческим, он не живёт полной жизнью. Её увлék мир творчества — яркий, красочный, интересный. Захотелось как можно больше привлечь людей к этому увлекательному миру, чтобы они получили удовольствие от своих творений, получили радость и поделились этой радостью с другими.

Судьба свела Анну с художником Кариной Мельгуй из Переяславля-Зелеского Ярославской области — талантливым и мощным человеком, прекрасным менеджером, собравшим единомышленников и запустившим Академию живописи Онлайн — Международную Онлайн-школу с трансляцией уроков живописи для русскоязычного населения всего земного шара. Единственное требование — доступ в интернет. Задача школы — научить писать картины маслом под руководством профессиональных художников. Обучение ориентировано как на начинающих художников, так и на тех, кто уже совсем не новичок. Главное — успех учеников. Занятия проводятся в форме бесплатных вебинаров. Перед каж-

дым занятием зарегистрированным лицам сообщается, что необходимо приготовить для занятий. Урок сохраняется в эфире сутки. Для постоянного пользования или для обращения к уроку на определённый срок требуется внести умеренную плату.

— Организовался крутой тандем, — рассказывает Анна. — Карина занялась моим воспитанием и добилась успехов. С ней комфортно работать. Мы на одной волне.

На мой вопрос: «Зачем всё это делается?» Маратканова ответила так:

— Многие люди в течение своей жизни отказывают себе в творческих порывах, боятся осуждения, критики. Занятия раскрепощают людей, позволяют иначе взглянуть на свои возможности. Овладение живописью расширяет сознание. Человек начинает замечать, что зелень не только зелёного цвета, что она вообще не зелёная, а соткана из множества оттенков.

За год в Академии прошли обучение три тысячи студентов. Освоено восемь курсов, созданных художником Анной Мараткановой; проведено тридцать девять видеуроков в самых разных техниках и стилях. На смену завершённому проекту подготовлен следующий. За ним готов новый проект — восемь курсов в разных техниках и темах. Картины непростые. Сначала они пугают своей красотой, потом завораживают яркостью.

Обстановка на вебинарах спокойная. Работа в удовольствие. «Я приглашаю вас не просто рисовать, — говорит своим ученикам Анна. — Я прошу поверить в то, что ваши руки вполне на своём месте, и вы увидите, ЧТО вы можете. Создание картины — это не просто сочетание форм и оттенков. Это жизнь, настроение, то, что хочется выразить, но так трудно сказать. На моих занятиях люди смеются, плачут, удивляются и раскры-

ваются. Потому что не бывает правильно и неправильно — есть ВАШЕ творчество, проявление ВАШЕЙ уникальности, и нет ничего важнее того, чтобы позволить себе выразить то, что есть в душе! Всегда рада встрече».

«Бойтесь? — продолжает педагог и тут же поясняет: — Это нормально. Но никогда не позволяйте себе паниковать. Обязательно сомневайтесь, но непременно пробуйте».

А спустя два-три часа, завершая урок: «Обнимаю всех, целую. Отдыхайте!»

Видеоуроки Онлайн-школы транслируются из мастерской Анны Мараткановой. Мне захотелось посетить эту мастерскую. Переступив порог, я очутилась в просторной светлой комнате. Солнце склонялось, густо лилось в окна на вымытый пол; отблеск его играл на потолке. Работ Анной выполнено много. Тематика разная. Но мастерская не заставлена картинами. Творения Анны не задерживаются. Они либо подарены, либо проданы. В студии — полотна, находящиеся в процессе работы; картины, написанные для занятий в Онлайн-школе и для себя.

На мои вопросы: «Какой художник нравится особо и почему? Какая любимая тема?» ответ такой:

— Одного художника выделить не могу. Я больше на каждую работу по отдельности обращаю внимание — тронула ли меня? Любимой темы нет, это всё от души и от настроения.

Замечаю, что в большей степени художницу вдохновляют пейзажи. Хотя она прекрасно себя чувствует и в интерьерной живописи, и в экспрессии. Везде. Но пейзажи любит особо. Это её визитная карточка. Почему?

— Это ж надо природе сотворить такую красоту! — восклицает Анна. — Надо научиться это видеть, рас-

смаatrивать, восхищаться этим! Постараться передать на полотне.

— Однако, — замечаю я, — пейзаж — это не природа, а осознание себя в ней.

— Да, — соглашается Анна. — Искусство не есть точность. Это способ мыслить и выражать себя. Художник воспроизводит не саму природу, а скорее законы природы. Изображает не предметы, а ощущения и отношения к предметам.

На полотнах Анны цветы, море, лес, люди. Начнём представление работ с цветов. Чтобы написать свои розы, пионы, нужно забыть всё, увиденное ранее. Букет распускающихся розовых красавиц помещён в стакан с прозрачной водой. Тёмно-красная роза представлена с капельками утренней росы. Куст розовых пионов изображён на зелёной лужайке. Букет белых и розовых пионов — в красивой вазе.

Глядя на лесной пейзаж, выполненный Анной, вспоминаю фразу: рисуя ветвь, слушай дыхание ветра. Картина выполнена мастихином — любимым инструментом моей героини. Им работать эффектно. Это быстрая, размашистая, фактурная, небрежная, жирная, густая, грубая живопись. Картины получают особый стиль. Такие рельефные мазки кистью не напишешь. Освоила этот инструмент Анна с трудом. Только упрямство и целеустремлённость привели к успеху. Она заставила себя понять мастихин, почувствовала его.

Морские пейзажи занимают особое место. Кто не видел моря, не видел второй половины мира. Это один из самых красивых, удивительных и величественных видов природы. Море живое, таинственное, всегда разное. Необъятен его простор, и оттуда, из глубины, прилетают ветерки, доносится приглушённый шум; ослепи-

тельные блики вспыхивают на колеблющейся морской поверхности.

Анна родилась в приморском городе, любовь к морю у неё с детства. В её морских пейзажах показана гармония ведущих вечный диалог моря и неба, удивительное дыхание жизни. Красиво выражена прозрачность морской волны, полной мощной энергии. Работы Анны звучат как гимн свету, солнцу, молодости. Художник передаёт своё переживание об объекте, своё впечатление и даже настроение. На её портретах люди показаны в момент своего вдохновения. Работы в стиле «ню» с нежной бархатистостью кожи представляют человеческое тело в качестве идеала красоты. Картина с изображением пары молодых людей, резвящихся на море, полна изысканной музыкальной гармонии и служит отличной иллюстрацией к песне: «Как хорошо, что у меня есть ты». Это созвучие природы, человека, музыки.

Анну неудержимо влечёт к холсту. И сам запах краски, и её блеск будоражат кровь, порождают радостные ощущения. Она вспоминает: «Порой бывает всё равно, что рисовать, потому что желание уже ожило во мне. Рисую до ощущения прекрасной дьявольской усталости, когда виснут руки и отрешается мозг. Только боль и даёт нам ощущение жизни».

Отец Анны ушёл, не успев выполнить данные жене обещания о собственном уютном доме. Сестра обещала радовать мать творческими успехами. Анна приняла решение, что она должна выполнить обещанное и за отца, и за сестру. И ей это удалось. Квартиру она поменяла на просторный дом с камином и верандой, в котором отдыхаешь и телом, и душой. Добилась успехов, которыми гордится мама.

Личная жизнь Анны пока не сложилась.

— Как известно, — делаю я свою вставку, — талант-

ливый человек вступает в разлад с имущественной стороной жизни. Одержимость ни на секунду не отпускает ни души, ни ума художника — у него нет свободы, фибр души, которые он поставил бы на службу житейскому.

— Но любовь побеждает всё, — заключает Анна. — Главное — найти своего человека. Я хочу, чтобы мои дети росли в полноценной семье, где все любят друг друга.

Голос совести и вера в будущее не позволяют Анне прожить как пустоцвет, не передать людям с полной щедростью многообразие мыслей и чувств, наполняющих её саму, слышащую зов времени. Она художник и преподаватель.

Художник — это призвание. Он умеет открывать и восхищаться, умеет любить до забвения, не боится оставаться ребёнком. У него свой особый взгляд. Он видит главное, вмещает в себя намного больше того, что изображает. У него творческое воображение и своя глубокая боль, как в чувствительном человеке.

Ремесло — дело второе. Но тоже важное. Совершенная вещь никогда не выйдет из рук плохого мастера.

Задача Анны Мараткановой как художника — найти себя, свою индивидуальность, поделиться своим видением мира, представленным в работах. Задача как преподавателя — приобщить людей к искусству, показать, что миром правит красота. И нет ничего приятней, чем делиться прекрасным изображением жизни, радостными и оптимистичными пейзажами. Выразить своё ликование перед светом, солнцем, жизнью. Слить природу и человека в единое живописное звучание. Разбудить воображение, ибо только оно и делает человека художником.

Анна должна раскрыть ученикам секреты искусства. В живописи существенный момент — цвет. Это не по-

стоянное свойство предмета, а феномен света, воздушной среды, разрушающей локальный цвет. Цвет — это всё, это возможность передать все нюансы своего отношения к предмету изображения.

По звучанию живопись приближается к музыке. Цвета в живописи надо осваивать подобно тому, как музыкант играет гаммы. Цветовая гамма должна быть нарядна и изысканна, а музыкальные линии ритма создавать эффект внутреннего движения.

Солнечный свет создаёт особый лучезарный тон. Тёмное, светлое, полутона, как в музыке: высокие, низкие звуки. Цвет должен достичь музыкальной фазы. Цвет — это клавиша, глаз — молоток, душа — многострунный рояль. Художник должен приводить в вибрацию человеческую душу. Передать состояние средствами живописного языка.

На занятиях живописью Анна учит мечтать. Благодаря ей сотни людей разных возрастов поверили в себя, научились смотреть на мир открытыми глазами, спаслись от стрессов и тревог.

«Полнота жизни, — рассуждает Анна, — от одержанных побед, в том числе и над собой. Ты, может, и боишься. Это нормально. Страх помогает нам жить, но нельзя давать страху жить твою жизнь. Это как с плохими соседями. Надо научиться договариваться. Найти такую серединку, чтобы не мешать друг другу. Ничего, кроме собственной совести, человеку бояться не надо. Многие, по моему наблюдению, впускают страх в свою жизнь. Более того, считают страшным не то, что должно быть страшным на самом деле. Работая с учениками, я стараюсь поменять их понятия. Спрашиваю: почему ты боишься рисовать? Тебе надо реализовать себя! Ты для себя это делаешь!

Я постоянно разговариваю сама с собой. Это эго,

эмоциональность, честность и трудолюбие. Если ты уважаешь то, чем занимаешься, должен ценить мнения, разные мнения. Много работать и говорить правду! Кто врёт, может быть успешным здесь, сейчас. И только! Надо быть честным в том, что ты делаешь, ты создаёшь свою индивидуальность.

Задумалась: хочу многое реализовать. А для чего я вообще этим занимаюсь? Начала отвечать на вопросы элементарно и поняла, кто я. И горжусь не столько живописью, сколько именно этим пониманием».

И снова в эфире урок Мараткановой. «Сегодня рисуем сову, — обращается Анна к участникам вебинара. — Мастихин держим слегка, но уверенно».

«Кто со мной работает, — продолжает Анна урок, — знает: придумываю что-нибудь особенное, неожиданное, чтобы ученики не расслаблялись. Сегодня сделаем эксклюзивную сову с орнаментом. Такая роспись поставит вам руку. Орнамент тяжёлый, но просто лёг на душу. Не бойтесь экспериментировать! Научитесь получать удовольствие от поиска. Мы создаём с вами не просто вещь, а учимся самостоятельно мыслить. Это очень важно!»

На мой вопрос о любимом фильме Анна назвала «Последний из могикан». События 18 века. Почему далёкое прошлое не оставляет равнодушным и в наше время? Потому, что там утверждены ценности на все времена: любовь, честность, отвага, пожертвование. Ценности, которые надо сохранять, чтобы мир окончательно не сошёл с ума. А человечество к этому идёт. Ещё древние греки отмечали, что мир развивается, но не улучшается.

В прошлом на земле жило другое человечество. Тысячи лет воевали, используя меч, копьё, лук со стрелами. Не стояла задача уничтожить как можно больше врагов. Достигали совершенства в других областях. Мировые

войны 20 века казались последними между Добром и Злом, способными преобразить человеческую жизнь в лучшую сторону.

Но нет! Этого не произошло. В 21 веке войны продолжаются. Оборонка тянет за собой науку, промышленность. Оружие массового уничтожения совершенствуется, а это дорога в никуда.

Философ Николай Бердяев так предсказал драму третьего тысячелетия: «Технически человек преодолеет проблему пространства и времени, но при этом опустится на дно самого сложного и трагического одиночества, отчуждения и неразрешимой тоски».

Падение нравов ясно просматривается на полотнах великих художников. Меняется сознание людей, меняется их отношение к войне. Обзор этой темы дан в книге Паолы Волковой «Великие художники: большая книга мастеров и эпох» (Москва, 2016).

Любая война — грязь, кровь, сиротство, насилие, но с веками она становится всё ужаснее. И хотя любая война развязывает самые низменные страсти у людей, но дело не в том массовом состоянии войны, а в том осмыслении, которое даёт некая высшая категория людей, художественная элита.

В истории остались великие картины, в которых художники провели разговор со временем. В 17 веке Диего Веласкес (1599–1660 гг.) нёс философию гуманизма, высокого разума, призывал милость к падшим. На его картине «Сдача Бреды» (Мадрид, музей Прадо) показана передача испанцам ключей от побеждённого голландского города Бреда. Художник одинаково красиво изобразил и победителей, и побеждённых. Они люди. Личности! У них жизнь впереди. Нет ожесточения. Есть великое уважение, с которым художник пишет всех воинов, и с поднятыми, и с опущенными флагами. Есть праздничность, а не уныние.

Проходит два века. Философия Франческо Гойи (1746–1828 гг.) — отвращение к войне, ненависть к насилию вообще. На его полотне «Расстрел повстанцев 3 мая 1808 года в Мадриде» (Мадрид, музей Прадо) в центре изображён человек. Он в светлой одежде, стоит на коленях, раскинув руки, но он выше всех, он больше всех. Он выражает крик Испании, протест против французских оккупантов. У него нет страха. Отсутствие страха делает его победителем. Трое заложников расстреляны. События происходят ночью, в темноте. Те, кто расстреливает мирных людей — нелюди. Вместо лиц у них дула.

Пабло Пикассо (1881–1973 гг.) на полотне «Герника» (Мадрид, музей королевы Софии) изобразил войну 20 века — испанский город Гернику после бомбардировки немецкой и итальянской авиацией. Картина написана в чёрно-белой гамме. Мир потух, стал безжизненным. Все образы раздроблены, обезображены, доведены до крайней степени выразительности. Страх и отчаяние. Конец всему. Распад цивилизации. Уход разума. Возвращение мира к хаосу. В центре картины откуда-то как будто врывается богиня справедливости Фемида со светильником в руке, освещает происходящее, требуя возмездия.

Как и художники, писатели на протяжении многих веков призывают сохранять человеческие ценности. Возродить человека, как носителя высокого духовного начала.

В фильме «Последний из могикиан» (экранизация романа Джеймса Фенимора Купера) изображены события 18 века. Идёт англо-французская война за американские колонии. Победившие французы отпускают побеждённых англичан, но воинов убивают индейцы. Они готовы сжечь на костре дочь побеждённого командую-

щего форта, чтобы и наследников не было. На помощь пленённым приходит белый охотник Соколиный глаз, воспитанный жить велением внутреннего морального чувства — приёмный сын Чинганчука, вождя племени могижан, мудрых и храбрых воинов, честных и справедливых. Чинганчук, увы, — последний из могижан.

Поворот в сознании Анны произошёл ещё в школьные годы. Из тихони она превратилась в смелую защитницу. В классе была девочка с физическим недостатком. Её дразнили. Ей не давали прохода. А обижают тех, кто других не может обидеть. Однажды Анна набралась смелости и решительно выступила на стороне обиженной:

— Вас много! Не стыдно? В чём её вина?

Так может поступить человек, чувствующий чужую боль. Обидчики повернули свой гнев на Анну. Она выдержала. Заслужила уважение.

Анна — человек постсоветского времени, но воспитана в лучших традициях советского периода. Это добросовестный труд, уважение к людям, товарищеская взаимопомощь, честность.

Анна — успешный человек. На вопрос: «Как стать успешной в наше время?» ответила так:

— Нужны две простые вещи: много работать и говорить правду. Людям нравится честность. Они к этому тянутся и потянутся к тебе. У многих понятие успех — деньги. Уходя из жизни, деньги с собой не возьмёшь. Конечно, мне приятно носить хорошие качественные вещи, но я не делаю из этого культ.

— Но люди часто ведут себя так, будто собираются жить вечно. Их настолько занимают деньги, что они забывают о жизни.

— Духовное развитие для меня гораздо важнее. В этом ценность выше. Для меня успех — это не только удача в достижении цели, но и признание в обществе.

Что ты сделал в этом мире? Какой твой отпечаток в истории? Сколько людей будут о тебе помнить?

— Часто успешные люди становятся игрушкой своего успеха, своего ослеплённого «я».

— «Я» любой ценой — это конец человека.

Анна говорит искренне. Всё верно. Художник не должен думать о хвалебных отзывах критиков, о вознаграждении за свою работу. Он должен думать о красоте, готовой сорваться на холст с кончика его кисти.

Если человек занимается тем, что делает его счастливым, интуитивно выбирая это из миллиона других дел, неудач быть не может. Процесс идёт. Если результат хорош — человек чему-то учится. Если плох — учится ещё больше. Пока ты не останавливаешься, неудач быть не может. Остановился — нарушил творческий процесс, перестал развиваться. Только из опыта рождается качество. И это прекрасно!

Дорога к людям — самый трудный путь, который должен пройти человек, чтобы открыть истину и быть счастливым. Мир в главном будет таким для тебя, каков ты сам.

Анна работает. Много работает. В ней гармонично сочетаются несовместимые, казалось бы, добродетели: она остроумна и милосердна, порывиста и безмятежна, чувствительна и прохладна, импульсивна и скромна. Тончайший налёт небрежности туалетов ставит её выше стандартного шика манекенщиц.

— О чём ты мечтаешь? — интересуюсь я.

Лицо Анны озаряется улыбкой и принимает выражение: если мечтать, то по полной!

— В детстве, — признаётся она, — я мечтала стать волшебницей. Я стала ей!

Может, эта мечта и была первым движением именно художника, первым проявлением того, что её внимание

направлено в сторону вымысла, в сторону создания нового, необычного, в сторону яркости, красоты.

Анна осуществила мечты мамы о доме. Родные гордятся её успехами. Живопись помогла ей понять кто она.

— Мечтаю создать картину...

— Это сложно. Слово картина подразумевает момент драматургии: что-то должно случиться, должно быть изображено какое-то происшествие. Надо отобразить, передать свою эпоху. Соединить новизну и классическую традицию. Мимо картин проходят столетия. Человек — центральный объект изображения в искусстве. Через человека осмысливаются и природа, и объекты, изображаются как поясняющие, смысловые.

— Так оно и есть. Я понимаю, что это сложно, но хочу написать картину, созвучную нашему времени, в которой не только современные зрители, но и будущие поколения найдут ответы на свои этические и эстетические чаяния. Картину, превращающую мгновение в вечность, воспитывающую души.

Вот мы и прикоснулись к великой тайне безраздельной сосредоточенности, создающей художника, учёного, мудреца — подлинных безумцев, с трагедией и счастьем одержимых. Ознакомились с повестью об искусстве и самом интересном в искусстве — творческой личностью. С повестью об исканиях, муках, сомнениях; о богатом мире духовной жизни; о сложном пути к успеху и его преодолении.

Снова лето, мой день рождения, уже по традиции застолье под деревьями. Анна на этот раз присутствовать не могла — выполняла срочный заказ. Пришла её мама, Тамара Николаевна, с удивительно роскошным подарком. Под красочной иллюминацией застолье продлилось допоздна. А в конце праздника нас ожидало чудо.

Новолуние... В темноте мы вдруг замечаем куст с яркими жёлтыми цветами. Да это же энотера — Королева ночи! С описания этого природного чуда начинается моя книга «Цветы нашей жизни». Каким-то ветром на участок занесло семена редкого в наших краях растения. А так как цветы распускаются по ночам, то ранее никто не заметил цветущий куст, и он послужил ещё одним подарком на мой день рождения.

Чудеса вокруг нас. Кто верит в чудеса, у того они случаются. А разве не чудо, когда человек находит своё призвание, когда у него пробуждается вдохновение?

ЗаклЮчить повествование хочется словами Александра Николаевича Бенуа: «Всё течёт, всё меняется, всё должно меняться, всё не может не меняться. Однако через все изменения в человеческом художественном творчестве проходит одна живительная струна — та самая, что придаёт ему характер подлинности, — это искренность. Истинная радость получается от сознания, что творения <...> соответствуют какой-то внутренней подсказке или тому, что принято считать вдохновением».

Татьяна ШАХЛЕВИЧ

Бахча

«Бахча у нас была добрая, кавуны — что тебе хороший кабанчик. Иной не всякая баба поднять могла. А соладкие какие! Семена старались сеять в начале мая на солнечном участке, чтоб ветерком обдувался. Потом бурьяны пололи. В конце лета полосатые кавуны, жёлтые дыньки никого не оставляли равнодушным», — бабушка Наташа пытается рассказать мне, школьнице, о своей жизни.

«Не знаю, по чьей вине, но своих деток Бог нам не дал. Мы уже смирились, успокоились, считай, полжизни прожили. И ось одного разу приезжаем утром на бахчу (дело было в июле 1935 года) и находим кулёк с новорождённым хлопчиком. Завёрнут тугенько в две пелёнки и большой платок. Спит так сладенько на телеге, видно, сытый. Ни записки, ни крестика при нём не нашли. Муж мой, Петро, решил оставить мальчика. Записали на себя, окрестили, назвали Николаем.

Как-то нам показали жиночку с соседнего хутора, шо могла избавиться от ребёночка. Позже, когда Петро с Колей, бывало, проходили мимо неё, отец заставлял сына здороваться и кланяться тёте. Плывёт она такая статная, в гарном полушалке, зыркнет на них, голову задерёт, а у самой щёки пунцовыми сделаются. Сыночек у нас был справный, голубоглазый, шустрый. Хоть и мал ещё, но за батькой хвостом ходил, как телок за коровой, обо всём расспрашивал, всем интересовался. Не успел Петро потетёхать сынка, как забрали моего хозяина на войну.

В ноябре сорок первого зашли в хутор фашисты. К нам на постой румына определили в просторную горницу, где свекруха с Колей спали. Теперь мы все в одной комнате разместились. Коля порывался в горницу, да

мы не пускали. Однажды не уследили: я борщ варила, старуха занедюжила, лежала. Как закричит мой сыночек — я туда. Бачу — фриц стягивает шапку с хлопчика. Добрая была шапка, меховая, верх кожаный. Петро специально заказывал для Коли такую, шоб на вырост. Вот этот гад снимает её, а узел затянулся. Я подскочила, Колю закрыла, кричу ему: “Беги!” Сама собой дверь загораживаю. Фриц лютует, глаза вылупил, кобуру растёгивает. Думаю, зараз мне каюк. Оттолкнул он меня, выскочил с хаты и давай палить. Я так и обмерла.

— Наташка, чи ты живая? — слышу голос свекрови.

— Живая, мамо, лежите тихонько! — прокричала ей, а сама во двор — нигде моего сыночка не видать.

Подбегает немецкий офицер, что-то лопочет с румыном, похоже, сердится или ругает. Зашли в горницу. Румын потребовал стол накрыть. Подала я чугунок с борщом, пышки, самовар поставила. Немца фотокарточка одна над этажеркой привлекла. Взволнованно что-то выкрикивает, пальцем в военного тычет. Поняла, что рядом с моим свёкром стоит его отец ещё в империалистическую войну. Немец снимает рамку со стены, достаёт из-под стекла старую карточку и просит взять себе. Я докумекала, что его отец погиб на той войне. Ножницами разрежала напололам фотографию и протянула ему, у него даже глаза увлажнились. Вынул немец с кармана цукерку, положил мне в руку и “шнель, шнель” — уходи, дескать. А я всё в окно выглядываю: где же Коля спрятался? На улице морозно...

Поели душегубы и отправились по своим делам. Вышла я с хаты, кличу сыночка, не отзывается. Присмотрелась: ряднына в прихожей, что крышку лаза в подпол прикрывала, задралась. Я туда, а Коля спит, приткнувшись к мешку с мукой.

Як подумаю, сколько всего людям пришлось пережить: империалистическая война, гражданская, объеди-

нение единоличных хозяйств в колхозы — забрали скотину, землю. Не всю, конечно, и нам оставили. И znovu война. Принесли мне похоронку: “Ваш муж, гвардии красноармеец, уроженец хутора Широков Миллютинского района Ростовской области в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 18 июля 1943 г. Похоронен в деревне Мариновка Снежнинского района Сталинской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии”. Я много раз перечитывала цю бумагу, шо напамять знаю. Вскоре и свекруха померла. Плачь не плачь, а жить надо, сыночка растить. Тут агитировать хуторян стали на переезд в Крым, потому как выслали оттуда местных жителей, якобы за пособничество немцам. Мой брат с семьёй, кумовья засобирались ехать, ну и мы с Колей решились. В сентябре сорок четвёртого оказались мы в Круглике, позже переименованном в Матросовку.

Дали хатынку биля кузни. Худо-бедно обустроились. Посватался ко мне кузнец Ракша, вдовец, дочь с ним была, постарше моего Коли. Мне-то уже не хотелось хозяина иметь, пятый десяток разменяла, но, думаю, пускэй сын мужскую заботу почувствует, научится чему полезному. Сошлись мы с Ракшой, да ненадолго. В груди всё клокотало при виде, как ругает кузнец Колю за неуклюжесть. “Конечно, это не его дытына”, — думала я и згадувала Петра. Терпела я, терпела, да вырвалось моё терпение на волю, когда Ракша стукнул Колю по потылице. “Убили на войне моего мужа, остался Коля без отца, а ты не смог заменить ему батька. Вот тебе бог, вот порог”, — указала я Ракше на дверь.

Поперва скучали мы по своему хутору, по бахче. Не родились на крымской земле такие сочные и сладкие кавуны та дыни. Брат с семьёй вернулся в Ростовскую область, а мы здесь прижились. После семилетки Коля

выучился на тракториста, оженился, гарнэньку дивчину взял из соседнего села. Дружно жили матросяне. Собрётся молодёжь вечером у клуба после работы — песни, пляски под гармошку. Мы, старики-пенсииеры, на лавочке сидим, семечки лузгаем, в “дурня” режемся. Уже у меня и внучата появились (ты с братом), вас няньчу, за соседскими приглядываю, обед готовлю. Сумувать некогда».

Мы с бабушкой разламываем абрикосы, вынимаем косточки, мякоть кладём рядочками на листы фанеры, чтобы высушить, а зимой будем пить ароматный компот из сухофруктов и есть ложками густой кисель.

«Послухай, расскажу, як варили мёд из кавунов. Не кривись, в жизни всё может сгодиться. Знания за плечами не носить. Мякоть спелых кавунов протирали скрозь сито, ставили на огонь и медленно выпаривали до густоты. Главное, не зевать, а чаще помешивать. Некоторые хозяйки сахар добавляли. Ох и вкусный получался медок!»

Слушала я бабушку вполуха: хотелось быстрее побежать с подружками в парк. Там заканчивалось строительство Дома культуры. Иногда привозили солдат с полигона, чтобы помочь местной бригаде. Мы рассматривали новобранцев, таких взрослых и красивых, как нам казалось. Старались узнать их имена, но никто не обращал внимания на нас, мелюзгу. Тогда мы шли на ставок, где тоже было интересно.

Помню, к нам приехали гости из Ростовской области: бабушкин брат дед Гриша и его жена баба Луня, у которой «горб на пузе», так сказал мой младший брат, когда увидел её в широком платье с выступающим животом. Стол накрыли в саду под яблоней. Кролик, запечённый в тесте, винегрет, фаршированные перцы в подливе, картошка и малосольные огурцы, сало с горчицей, тонкие ажурные блины и сметана к ним, виноградное вино в

глиняном кувшине, самогонка из подвала, высокий хлеб с румяной горбушкой из колхозной пекарни, компот для детей — всё это быстро собрали мама и бабушка. Были приглашены и местные родственники. Как всегда, за столом управлял отец, у него это хорошо получалось. Выпили за гостей, за урожай, за тех, кто в пути-дороге, за хозяев. Заблестели глаза у сидящих, развязались языки. Среди общего шума трудно было уловить нить разговора. Невысокий коренастый дед Гриша встал, чтоб его заметили, поправил усы и произнёс тост: «Хватит балакать, хочу слово сказать. Ось тут диты сидят, до них обращаюсь. Думаю, все знают, шо диточок приносят не аисты, и не в капусте их находять, а жиночки их рожают. Но мого племянника Николая нашли на бахче, Наталья ёго не рожала. Воспитала з любовью, как своего. Прошу выпить за здоровье моей дорогой сестры!».

Речь деда, произнесённая ни к селу ни к городу, у всех вызвала временный паралич. Первой очнулась бабушка: «Да хто ж тебя за поганый язык тянул? Шо ты мелешь, пьяная твоя башка?!» Гости устались на отца. Лицо его побагровело. Я сразу не могла понять, о чём речь: какая бахча, кто не рожал? Папка наполнил стакан и не своим голосом сказал: «Ну, за Наталью Андреевну», — оттолкнул бабушку и ушёл со двора. На этом праздник закончился.

Так впервые мы узнали, что наш отец — подкидыш. Какое дурацкое слово!

Бабушка мыла посуду, вытирая фартуком слёзы, мама доила корову и управлялась, чувствовалась неясная тревога и недосказанность. Нас с братом отправили в дом спать. Уже в полудрёме услышала я приглушённые крики и возню. Приоткрыла дверь и увидела, как мама с бабушкой пытаются пьяного отца затащить в летнюю кухню, а он сопротивляется, не хочет подниматься по ступенькам, ворчит, матерится. Вот преодолели порог,

нужно усадить на кровать. Сгусток ярости вылился из пьяного тела. «Подкидыш! Бахча! Благодетели! Пошли все на...!» — закричал папка, вырвался, махнул рукой так, что бабушка не удержалась и упала, а он рухнул на кровать лицом в подушку. Всё стихло.

О бетон бабушка расцарапала щёку и ладонь. Залили перекисью. Присели молча на лавочку. Я подошла к ним, не зная, как себя вести. Злость на отца, деда Гришу и жалость к бабушке — всё перемешалось и сдавило сердце. Мама прижала меня к себе. «Ты, внучка, не держи обиду на батька. Это с него так самогонка выходить, будь вона неладна», — вздохнула бабушка и поднялась в кухню переворачивать своего сына на бок, чтобы не задохнулся во сне.

Ещё несколько дней отец после работы напивался, взрослые почти не разговаривали между собой, казалось, что в доме покойник. Потом всё наладилось. Бабушка Наташа, как и прежде, рассказывала мне про свою жизнь, показывала старые фотографии, давала советы, но кто бы их слушал. Хотя убежать на футбол или кататься на велике, как это делал брат, я не могла, чтобы не обидеть бабушку. Рассказ про бахчу и вкусные арбузы помню до сих пор.

Невидимый друг

Рассказ

— Между прочим, у меня сегодня день рождения, — проговорила сидевшая напротив соседка по купе. — И, похоже, праздновать нам его придётся в темноте. В санатории из-за отъезда не получилось, думала, в поезде отмечу, а тут...

Ларисе весьма смутно виделось её лицо — света в вагоне не было. Пассажиры входили в него, когда вечерние сумерки начинали сгущаться. Народу полно — состав, идущий в Санкт-Петербург, формировался в Симферополе, и уже там заполнился почти до предела. Вагон, в который Ларисе удалось взять билет в день отъезда, плацкартный. Кажется, только в их отсеке были свободными две верхние полки и две боковушки, верхняя и нижняя.

Пока разбирались с местами, устраивали свой багаж, друг на друга особо не смотрели. А когда выдохнули и чинно уселись за столиком одна напротив другой, оказались в темноте. Лишь изредка вспыхивавшие за окном огни освещали их лица. В узких проходах иногда как привидения появлялись пассажиры, подсвечивающие себе телефонными фонариками, или должностные лица — проводники — с большими фонарями в руках.

— Впервые еду в подобных условиях, хотя поездить в поездах за свою жизнь мне пришлось немало, — с некоторой долей удивления сказала Лариса, пожав плечами.

— Я думаю, это вынужденное действие. Всё-таки Крым находится в зоне особого внимания наших «братьев», — заговорщицким тоном произнесла соседка.

Лариса не успела ответить — позвонила подруга, провожавшая её из Симферополя:

— Ну как? Устроилась? Окружение нормальное?

— Да нормальное, только света в вагоне нет. А так чаю хочется! Зря я поддалась на твою провокацию, рыбки поела напоследок, — посетовала Лариса.

— Ты знаешь, а в некоторых вагонах был свет, я видела, когда поезд тронулся. Пройдись по составу, где-нибудь найдёшь кипяточек, если уж так невмоготу. Напрасно отказалась от бутылки воды... — попеняла подруга.

— Наверное, в купейных вагонах есть свет. Может, и нам скоро включат. Ничего, как-нибудь ночьку выдержу, твоими молитвами. Да и пить на ночь вредно! — пошутила Лариса.

Соседка тем временем вернулась от проводника с двумя стаканами в фирменных подстаканниках. Вытащив из сумки с провизией бутылку лимонада, разлила его по стаканам.

— Ну, за необычный день рождения! — произнесла тост Лариса.

— За настоящий день моего рождения!

— А есть ещё не настоящий?

— Есть, хотя даже не знаю, какой из них «настоящее», — кивнула женщина. — Один — когда родилась. Другой — который в метрики отец записал. Вот и праздную дважды.

— Везёт же некоторым... — улыбнулась Лариса.

В это время сноп света вспыхнул за окном, и ей, наконец, пусть на мгновение, удалось увидеть лицо своей попутчицы — приятное, не очень молодое, но и не старое.

— О, я везучая, правда! Вы знаете, больше всего мне повезло, пожалуй, в сорок четвёртом, в 1944-м.

Лариса подумала: «В войну?.. Сколько же ей лет сей-

час, если в сорок четвёртом прошлого века успело по-везти?». Похоже, женщина уловила её мысли, продолжила свой рассказ:

— Я родилась в сорок первом, в самый канун войны. Жили мы тогда в Псковской области, в деревне. Говорят, жили хорошо, не бедно. Да мы всегда и везде жили хорошо — отец был работающим, мастером на все руки. На фронт ушёл в первые дни войны. Мама осталась с нами шестерыми. В оккупации долго пришлось жить, трудно. Немцы народ не щадили. Сколько военнопленных погибло в наших краях, страшно подумать. Да и просто му, мирному, населению доставалось... Я-то потом уже подробности узнала, со всеми цифрами. Деревни жгли, как спички, все годы оккупации. А уж когда в сорок четвёртом наши начали освобождать псковскую землю, фашисты так лютовали, что просто ужас! Столько «хатыней» русских... — женщина горестно вздохнула. — И до нашей деревни добрались. Январь стоял холодный... Самым тёплым, наверное, этот день был, 14 января. Через несколько дней до минус сорока дошло, а тогда — градусов двадцать, двадцать пять. Будто пожарища согрели воздух... Стариков, женщин, ребятишек позакрывали в их домах и подожгли. Кто пытался выскочить и бежать к лесу, автоматчики расстреливали, наготове уже стояли. Наш-то дом на самом краю деревни был, у самого леса — новенький, просторный. Как дымом потянуло, мама поняла всё. А что делать? Старшего моего брата погнала в лес, велела спрятаться там, а потом, если что, партизан искать. Понятно, что — «если что»... Подъехал к дому мотоцикл, трое фашистов на нём. Мы в доме сидим, ни живы ни мёртвы. Один из них в дом зашёл, нас пятерых увидел возле мамы, говорит ей тихонько: «Матка, вэк! Киндэр, вэк!». И автоматом показывает на окно, в лес выходящее. А мама сидит, как пригвождённая. Он ей опять повторяет своё

«вэк». На пальцах показывает, мол, сейчас здесь всё гореть будет. Сам какие-то тряпки из шкафа прихватил, на улицу вышел, немцам что-то сказал. А мама нас в подпол заталкивать стала. Он просторный, глубокий был, даже из-под дома выходил к лесу. Через какое-то время чуем, горит наш дом. Мама нас подальше от крышки подпола увела, а сама потихоньку стала её приоткрывать, чтоб посмотреть. И вдруг слышит шум на улице, стрельбу. Это партизаны из лесу вышли, узнав, что деревню немцы жгут. Но только нас и спасли, получается. А сто семь человек наших односельчан сгорели заживо. Сорок ребятшек среди них было. Дом наш выгорел наполовину, что смогли, спасли. Часть документов сгорела, и мои метрики тоже. В красивой шкатулке лежали... Как тот фриц её не прихватил с собой, не знаю. Мама, правда, потом всегда говорила: «Были в войну немцы, и были фашисты. Вот тот был немец, он спасти нас хотел...» Когда отец вернулся с фронта, не стал ремонтировать этот дом, сказал: «Новый построим, не на пожарище!». И построил. А мне документ восстанавливал, так почему-то записал день рождения 14 января. Вот и праздную теперь его в конце декабря и в начале января, — улыбнулась попутчица. — К станции какой-то приближаемся? Наверное, Владиславовка? Нравится мне это название, сына у меня Владиславом зовут.

— Да нет, Джанкой, — прочла Лариса. — Как они будут в темноте людей принимать?

Поезд остановился, и через минуту в их отсеке появился новый пассажир — чуть выше среднего роста, в военной форме, с рюкзаком.

— Здравия желаю! — весело проговорил он, и в этот момент вспыхнули все имеющиеся в наличии вагонные светильники.

— Ой, здравствуйте, здравствуйте! Вы нам свет принесли! И сгинула тьма с вашим появлением, ура! —

радостно, совсем как девчонки, заверещали дамы. Военный пытался рассмотреть номера полок. — У нас здесь с тринадцатой по шестнадцатую. Даже если вы ошиблись купе, мы вас не отпустим, располагайтесь у нас.

Сколько радости, оказывается, может дать обычная горящая лампочка!

— У меня шестнадцатое место! Так что некуда мне от вас уходить.

Военный забросил рюкзак на свою верхнюю полку, а каждая из женщин с готовностью дала понять, что он может присесть на её. Обе с нескрываемым интересом разглядывали парня. Ему было лет эдак от тридцати пяти до сорока. Типичное русское лицо, голубоглазый, светло-русый, аккуратно коротко стриженный. Улыбающийся! Обычно такая улыбка у влюблённых. А этот... «В отпуск едет. Со СВО», — определила для себя Лариса.

— Вы служите... — издалека начала разговор её соседка.

— Так точно! — отрапортовал, только что честь не отдал.

— Вы... оттуда? — вопрос был задан полушёпотом.

— Так точно... — в тон ей прозвучал ответ.

«Ну и правда, что об этом кричать-то!» — подумала Лариса и так же в полголоса спросила:

— Контрактник? Если что, вы нам не отвечайте. Но понимаете, не каждый день так близко мы встречаемся с такими, как вы.

Соседка закивала головой, подтверждая сказанное Ларисой, и осторожно задала свой очередной вопрос:

— И как там у вас?..

Они действительно обе хотели бы расспросить его о многом, но при этом почему-то испытывали огромное чувство неловкости. Неловкости и благодарности, которую не знали, как лучше проявить. Так же ведут себя интеллигентные, воспитанные люди, неожиданно

встретившиеся на улице с любимым артистом. С одной стороны, распирает от желания выразить свою любовь, восхищение, с другой — правила этикета, которые им прививались с детства, не позволяют навязывать свои чрезмерные эмоции пусть и обожаемому человеку.

— Так точно, служу по контракту! Направляюсь в отпуск, — ответил военный Ларисе, присаживаясь на краешек её полки. — Комбат не очень хотел отпускать, но у меня уже все сроки вышли!

— Далеко едете?

— В Курск.

— Почти земляк. У меня папа в Курске родился. А вот рос в Горловке, на Донбассе. Вы там не были? — Лариса заглянула в глаза парню, и ей показалось, что они ответили: «Да, был».

— Нет, мы в другом месте...

— И как там у вас?.. — повторила свой вопрос их попутчица.

— Да всё хорошо у нас там!

— Всего хватает?

— Ох, всего-всего хватает! — улыбнулся военный.

— Нет, слушайте, скажите честно: снабжение у вас там хорошее? — спросила Лариса и тут же смутилась от мысли, что как будто спрашивает человека о снабжении соседнего региона предметами первой необходимости и роскоши. — Я хочу сказать, что вот народ собирает деньги на помощь армии, что-то вяжут, пекут, везут... Государство не справляется со снабжением? А по телевизору рапортуют о том, что армия ни в чём не нуждается. Как понять-то?

— Да всё у нас есть, всем снабжают, и мы ни в чём не нуждаемся! — успокоил её парень. — Ну, когда пирожки там, котлетки домашние привозят, приятно, конечно. Будто дома побываешь. А так, всё отлично, планомерно идём к победе! И победим!

«Конечно... Так он тебе и выложил все свои проблемы!» — ругнула себя Лариса.

— А вы кто?

Соседка этим вопросом поставила парня в тупик, но Лариса тут же пришла ему на помощь:

— Профессиональный военный, правильно?

Ей и самой хотелось бы узнать о нём побольше, но она прекрасно понимала, что это невозможно. Кажется, и ему хотелось поговорить более откровенно, но он не имел на это права.

— Да, наверное, учитывая две мои чеченские войны и эту, я могу считать себя профессиональным военным.

— А войска какие, можете сказать? Я уж не спрашиваю вас о позывном. Но вдруг вас когда-нибудь будут награждать, показывать по телевизору... Мы будем гордиться вами! Как вас хоть зовут? — женщина по-детски всплеснула руками, демонстрируя искренность своих намерений.

— Сергей. И потому «Серый», — опять улыбнулся военный. — Инженерно-строительные войска.

— Ой, ну вот видите, мы с вами коллеги! Я ведь тоже строитель! А муж у меня военный врач был. Мы с ним поколесили по военным городкам за свою жизнь! Слава Богу, воевать не пришлось. Нам военного детства хватило! Вы что там строите? Землянки, блиндажи? Или города восстанавливаете?

— Города восстанавливают гражданские строители, мы чаще идём перед ними.

— У меня подруга — врач, в госпитале в Симферополе работает, — зачем-то сказала Лариса. Захотелось стать сопричастной хоть в чём-то?

— Присаживайтесь к столу, Сергей! Мы вас покормим сейчас, — радушно предложила соседка.

— Что вы, что вы! Спасибо! Я, во-первых, не хочу есть, во-вторых, мне ребята столько всего надавали с со-

бой, что я и дома неделю буду подъедать это всё вместе со своей семьёй, — испуганно замахал парень руками.

— А как жена относится к вашей службе? — поинтересовалась Лариса.

— Положительно! Я, знаете, терпел, терпел и не вытерпел, не смог усидеть дома, когда такое вокруг творится, когда друзья, с которыми раньше вместе воевали, все пошли опять служить. У нас опыт, военная чуйка. Если я пойду, то прикрою собой кого-то, может, сохраню чью-то жизнь, на одну смерть будет меньше. Сказал ей об этом, и она не стала возражать, отпустила меня. Там у нас совсем другая жизнь! Моё отделение — моя вторая семья. И трудно сказать, какая из них мне дороже. Мы там становимся другими — вся шелуха слетает, остаётся только настоящее. У тех, кто на фронте, нет ложных чувств, жизнь ценится совершенно иначе, чем на гражданке. Я вот приехал в Симферополь и даже обалдел немного — люди здесь живут как ни в чём не бывало. Будто нет никакой войны...

— Ну да, а тут ещё гулянка голых звёзд в Москве. Говорят, участники СВО сильно рассердились на них.

— Вот эти меня совсем-совсем не трогают! — Лариса заметила, как Сергей брезгливо передёрнулся. — Шушера, не знающая, куда деньги девать! Подсказал бы кто-нибудь! Возомнили из себя что-то...

Об этой постыдной предновогодней пьянке, устроенной малообразованной и маловоспитанной блогершей с участием таких же, как она, «звёзд», кто только не говорил в стране в эти дни. Лариса и фамилии-то её до этого не слыхивала. Зато знала певицу, недалеко от неё самой по возрасту ушедшую, запомнившуюся не столько песнями, сколько своими разводами и свадьбами, вещавшую в девяностые годы из телевизора: «Девочки, учитеcь как следует мыть унитазы, вам это пригодится в жизни, всегда сумеете заработать этим! Вот я

прекрасно научилась это делать в своё время!» Видно, что заработала...

Сергей немного помолчал, собираясь с мыслями:

— Я не об этих, я о нормальных людях говорю. Мне кажется, они не понимают, что происходит, почему мы пошли, не улавливают, не ощущают настоящей опасности. Хотя... Может, это и хорошо, что они живут, как жили до СВО, мы ведь для того и стоим там, на передке. Но всё равно как-то странно...

— Ну, не совсем и не у всех так, конечно. Многое скрыто от постороннего взгляда, как скелет в шкафу. Каждый читает свою книгу, в каждом идут свои часы, и бой часов у каждого звучит по-разному... — казалось, Лариса больше себя в этом убеждала, чем парня. — А скажите, кто там у вас служит? Молодых призывников много?

— Призывников, тем более молодых, у нас нет вообще, — заверил её Сергей. — Все в основном такие, как я. Хотя нет, один молодой у меня есть. Я сначала думал, ровесник моей дочери Полинке — она школу кончает. Он музыкант, саксофонист классный. Интеллигент! Пальцы у него такие тонкие, красивые! Я его берегу, как не знаю какую ценность! Ему дважды отказывали, по молодости лет не брали по контракту. Потом всё-таки приняли, добился. Отец у него в Киеве живёт, а он с матерью в Крыму.

— Спасибо вам! За всё спасибо! Вы знаете, я часто езжу в Крым к своей подруге. И последние два года постоянно в поездах, на вокзалах сталкиваюсь с военными, воюющими там... И всегда я хочу каждого из таких мужчин поблагодарить за то, что они охраняют, защищают Родину. Ведь Родина — это мы! Но я стесняюсь показаться выпендренной, смешной, что ли. Вот! Поэтому вам одному всё досталось от меня сейчас, — немного смущённо улыбнулась Лариса. — Вы постарайтесь остаться живым! Пожалуйста, постарайтесь!

Она выходила в Ростове-на-Дону. Поезд прибывал рано утром. Её соседи крепко спали, как обычно это бывает на рассвете. А Ларисе не спалось всю ночь. Встреча с этим военным, с Сергеем, всколыхнула воспоминания, переживания последних лет жизни. Она мысленно говорила с подругой, от которой возвращалась в город, ставший её городом на несколько десятилетий: «В детстве мы жили рядом... Мой дом смотрел на твой, а твой — на мой. С наших балконов мы могли махать друг другу рукой: ты с третьего, я со второго этажа. Между нами сначала была детская площадка с качелями и тропинкой, потом её превратили в небольшой скверик с протоптанными дорожками. По утрам я доходила до твоего дома, мы встречались и бежали в школу через поле, в детстве казавшееся нам огромным. С каждым годом оно становилось всё меньше и меньше — мы росли быстро...

А потом случилось так, что мы стали жить в разных государствах. И уже не детская площадка пролегла между нашими домами. Но... Неисповедимы пути Господни! Крым, в который ты попала по распределению после окончания мединститута, вернулся в Россию, и мы снова живём в одной стране. Исчезли граница, таможня, возвели замечательный мост, соединивший полуостров с материком, стало проще встречаться.

А вот Горловка, город нашего детства, оказалась в беде на долгие годы. И как нам помочь ей, не знаю. Стареем мы, время уже не наше, наверное. Когда там всё только началось, я смотрела на лица восставших, потом ополченцев и плакала. Особенно молодых мальчишек было жалко. Я думала о том, что это мы должны защитить их, собой прикрыть. Ведь нас так воспитывали — мы ездили школьниками в Краснодар, равнялись на Молодогвардейцев. Но прошло десять лет. Теперь

я плачу от понимания того, что не смогу заслонить от войны этих мальчиков, вижу в них своих защитников, горжусь ими и очень благодарна каждому из них.

Шахты Горловки не работают, по городу лупят и лупят враги! Столько разрушений, столько убитых! Как жалко Донбасс, наших людей! По телевизору говорят, что укронацисты агонизируют. Но как-то слишком уж “активно” и порой не в нашу пользу проходит их агония. Я не стала спрашивать об этом нашего сегодняшнего попутчика. Зачем его ставить в неловкое положение? Он уверен в победе. Мы с тобой тоже верим в неё. И всё же, как хочется, чтобы быстрее она наступила! И чтобы этот парнишка, годящийся нам в сыновья, остался жив! Я не знаю молитв, но буду молиться за него, буду!

Любая война отвратительна, это страшное бедствие для всех сторон, втянутых в неё. Ведь страдают и гибнут зачастую те, кто по сути своей очень мирный человек. Я немало передумала об этой войне, и понимаю, что иного выхода не было у России. Уж мы-то с тобой это точно знаем! Гражданская война, когда брат воюет против брата, — ужасно! Во сто крат больнее получать пулю от родного человека, бить по тому, кого считал своим. Как обидно, что пошли некогда близкие люди на поводу у тех, кто, ухмыляясь, сознательно стравливает и подстрекает. Да ведь они, украинцы, против нас обернулись — мы с тобой давно это видели по членам наших семей, по некоторым из тех, с кем росли — из-за такой глупой фанаберии, что у меня в голове не укладывается. Им так захотелось в Европу, что они предали самых близких им людей. А теперь мы все (все!), с обеих сторон, это расхлёбываем! Вот это настоящая трагедия. Глупо и больно!

Знаешь, Тамара, беда и боль сближают людей, они сильнее и глубже начинают чувствовать друг друга. Вот я смотрю на твою фотографию в моём смартфоне, соби-

раясь звонить, и каждый раз улыбаюсь: у тебя родинка на правой щеке, у меня — на левой. Мы — словно отражения, вглядывающиеся одно в другое...»

В дни их встречи Тамара была весёлой, даже чересчур весёлой показалась она Ларисе. Лишь на несколько минут тень печали легла на её лицо, когда прощались:

— Лара, из той, прежней, жизни у меня осталась только ты...

— А у меня ты, — эхом ответила ей Лариса.

— Не знаю, когда опять увидимся. Я, наверное, уеду на некоторое время, у нас может не быть связи. Но я всегда мысленно с тобой. И вот ещё, — Тамара протянула подруге кулон на цепочке. — Пусть этот ангел-хранитель будет с тобой. Он тебя убережёт от бед, я верю в это, потому что я так хочу. Когда тебе будет плохо, просто посмотри на него и скажи: «Невидимый друг, посланник любви, пришли мне помощь свою».

Проводница подошла к Ларисе, тронула её за плечо, предупредив: «Через полчаса Ростов, готовьтесь». Лариса благодарно кивнула, поднялась. Взглянула на спящего Сергея. Ночью он несколько раз тихонько стонал во сне, она слышала. А сейчас улыбка была на его лице, под щекой, как у малыша, ладошка лежала. Лариса сняла с себя кулон и, мысленно проговорив: «Невидимый друг, посланник любви, пошли ему помощь свою!», положив иконку ангела-хранителя между рукой и грудью Сергея, пошла на выход.

Открыв глаза, Сергей первым делом увидел пустую нижнюю полку. «Вот ведь, хотел помочь человеку вещи вынести и проспал! Совсем уж я что-то расслабился!» Тут его рука наткнулась на кулон, лежащий у груди. «Это ещё что такое?!» — в первое мгновение парень даже испугался неожиданной находке. Потом всё-та-

ки взял кулон в руки, повертел и так, и эдак, раскрыл, рассмотрел иконку. На небесно-голубом фоне красивое лицо с нимбом над головой и белыми крыльями за спиной. Ангел? В одной руке крест, в другой меч. В зелёной накидке Ангел — любимый цвет Сергея, цвет надежды. Нормально, то, что надо! Только кто же подложил эту иконку? Старушка спящая или вышедшая в Ростове женщина, чем-то похожая на его недавно умершую мать? Родинка у неё на щеке, как у мамы... А жене рассказывать про этот случай или помолчать до поры до времени?

Поезд тронулся. Сергей представил своих — Людмилу и дочку, подумал, что до встречи с ними осталось уже недолго, улыбнулся и снова заснул. Под перестук колёс спалось спокойнее, чем на передовой.

* * *

— Мила, я сметаюсь в Белгород, передам семье «Лучшего» поздравления. Хорошо? Туда и назад... Вечером буду дома! — Сергей обнял жену. — Ну, ты ж понимаешь...

— Понимаю, понимаю... Что с тобой делать! Может, и ко мне от тебя кто заглянет когда-нибудь... — Людмила лукаво посмотрела на него. — Давай! А мы с Полинкой тем временем будем холодец к Новому году варить, торт испечём.

До Белгорода из Курска всего-то два с половиной часа езды на автобусе. Потому Сергей и решил тридцатое декабря посвятить семье фронтового друга — как раз к Новому году сделает им подарок.

Автобус Курск–Белгород прибыл на автовокзал без опозданий, в четырнадцать тридцать пять. Сергей, не очень хорошо зная город, решил ехать на такси, чтоб быстрее вернуться назад. Лёшка просил купить своим

«подарки от Деда Мороза». На вокзале это делать вряд ли стоит, рассудил Серёга, лучше в центре заскочить в какой-нибудь большой магазин, где всегда всё есть.

Торговаться с таксистом смысла не было, хотя цену тот заломил наверняка значительно большую, увидев перед собой иногороднего, «потенциального лоха» среднего возраста. Сам водитель был немного моложе пассажира, самонадеянно считал себя умнее других.

Сергей смотрел на предновогоднюю сутолоку большого города и опять поймал себя на мысли о том, как сильно отличается эта жизнь от той, из которой он недавно вернулся. Этот городской муравейник шевелился весело, деловито и праздно. Кто-то куда-то спешил по улицам, обитатели сквера сидели на скамейках или шли прогулочным шагом «за здоровьем», иногда испугивая стайки воробьёв или осторожно обходя чувствующих себя хозяевами положения голубей. Солнце то пряталось за тучи, то весело выныривало обратно, грея и ослепляя своими не по-зимнему озорными лучами. Если бы не наряженная, готовая к встрече Нового 2024 года ёлка, вряд ли можно было представить, что через два дня он уже наступит на Земле.

Прикрыв глаза, Сергей думал о том, что успел отвыкнуть от всего этого, подумал о том, что война, с которой он везёт семье Лешего привет, так далека от этих людей. И слава Богу, слава Богу! Мы для того и воюем там, чтобы они здесь жили спокойно! Задача военного не убивать попусту, а хранить мир. Да, для этого приходится уничтожать тех, кто на мирную жизнь посягает. Но вот эти весело бегущие ребяташки должны расти в счастье. Он не позволит, чтобы его внуки (а ведь не успеешь оглянуться, Поинка наградит ими!) пережили то, что почти десятилетие переживают донбасские малыши...

— Значит, к универмагу тебе нужно?

Вопрос таксиста вырвал Сергея из его дум, и он по привычке весело ответил:

— Так точно!

— Прямо, как солдат отвечаешь.

Сергей усмехнулся. Ему всё время хотелось улыбаться, радуясь этой спокойной, солнечной, мирной жизни вместе с этими людьми. Да ведь сейчас и он был таким же беззаботным, как они!

— А сам-то служил? — спросил Сергей парня.

— Не, у меня освобождение.

— Надо же... А с виду ты, вроде, нехилым смотришься.

— Это я снаружи крепкий, а внутри весь гнилой, как говорит моя бабка.

«Интересно, сам-то понял чувак, что сморозил? Прямо в точку, видать, попал. Такие считают, что кто-то должен защищать, его хата с краю, гореть не будет», — с неприязнью подумал Сергей, а вслух проговорил:

— Мудрая она у тебя, ты береги её!

Таксист, согласно кивнув, включил радио, и салон автомобиля враз наполнился предновогодним настроением:

*Я вам песенку спою про пять минут!
Эту песенку мою пускай поют!
Пусть летит она по свету,
Я дарю Вам песню эту!
Эту песенку, про пять минут!*

*Пять минут, пять минут!
Бой часов раздастся вскоре!
Пять минут, пять минут!
Помирись те, кто в ссоре!
Пять минут, пять минут!*

*Разобраться, если строго,
Даже в эти пять минут
Можно сделать очень много!
Пять минут, пять минут!*

Неожиданно Сергей всем своим нутром вдруг почувствовал приближение опасности. Ощутил её резко — где-то внутри него натянулся тросик, — ещё не осознанно, но именно так, как бывало там, в той его военной жизни. Наверное, подобным образом срабатывает интуиция у животных. В следующее мгновение послышался очень знакомый характерный звук взрыва, впереди, на расстоянии пятисот-шестисот метров взметнулся столб дыма. Таксист инстинктивно резко ударил по тормозам, Сергей рывкнул: «Вперёд!». Водитель, на удивление (хотя удивляться было некогда), команду выполнил — слегка дёрнувшись, они медленно поехали туда, где уже был виден пожар, ошалело метались люди, выли припаркованные и поставленные на сигнализацию машины. Некоторые из них пылали. Такси миновало одну такую, первую на их страшном пути.

— Стой! — крикнул Сергей. — Видишь, мужик горит в машине. Давай попробуем помочь ему!

Они кинулись к горящей Хонде, не сразу сумели открыть водительскую дверь, но справившись с ней, наконец, вытащили оттуда человека, не подающего признаков жизни. Оттащив его подальше от машины и проезжей части дороги, Сергей попытался нащупать пульс, надеясь на лучшее.

— Этот уже двухсотый... — с досадой махнул он рукой и помчался вперёд.

Таксист бежал следом и матерился:

— Это чем же они шарахнули, твари?! Прямо по «Белгороду», магазину, к которому я тебя вёз! И как это мы чуть-чуть не успели... Вон, слышишь, ещё взрывы! Самый центр города накрыли, мрази!

— А вот ПВО словило, слышишь эхо?! — слова Сергея споткнулись о детский крик и плач.

Мужчины увидели жуткую картину: молодая женщина в голубом пуховике, лежавшая навзничь, рассыпанные вокруг неё ярко-оранжевые мандарины, коляска, из которой нёсся крик грудного младенца. Рядом с убитой матерью, пакетами с продуктами ползала окровавленная девочка лет восьми, в шоковом состоянии. Обе ноги её, похоже, были перебиты. Запахавшийся взрослый, повидавший немало смертей в боях, по привычке потянулся рукой к поясу, к месту, где у него обычно имелась тактическая аптечка — нужно было сделать хотя бы обезболивающий или противошоковый укол ребёнку. Но вспомнил, что всё осталось дома, ведь он приехал в мирную жизнь. Заглянув в коляску, Сергей понял, что и младенец ранен осколками.

Завывшие сирены подъезжающих машин Скорых подсказали, что нужно делать. Подхватив детей, Сергей с парнем-таксистом побежали в их сторону. Сдав раненых медикам, они огляделись по сторонам. Обстрел закончился. Повреждений вокруг немало. Пожарные машины, деловитые, собранные, мгновенно включившиеся в работу МЧСники, обычные горожане, бросившиеся на помощь пострадавшим. Пять минут он длился, подлый обстрел, всего пять минут... Это много или мало?.. Много для того, чтобы лишить жизни несколько десятков человек, не ожидавших нападения из-за угла; достаточно, чтобы люди встали единой стеной против зла; мало, чтобы запугать и загнать надолго в убежища.

Какой-то молодой человек стоял у разбитой стены дома и всё повторял: «Я ведь за пять минут до взрыва отошёл отсюда, всего за пять минут!»

— И мы с тобой всего чуть-чуть припозднились, не попали в «Белгород» под раздачу, — выдохнул таксист. — Видно, кого-то из нас ангел хорошо бережёт. Сейчас

куплю бутылку водки и поеду домой, никакой работы больше сегодня!

Сергей полез во внутренний карман куртки за портмоне, нечаянно наткнулся рукой на кулон-иконку незнамо кем подаренного ангела-хранителя, сунул деньги своему таксисту, хотя тот отнекивался, крепко пожал ему руку, прощаясь:

— А ты говорил, что только с виду крепкий. Ты и внутри не хилый... Бабушке привет передавай! Мы победим!

* * *

— Ты понимаешь, Милочка, выходит этот Ангел уберёг не только меня, но и семью «Лешего»! — закончил свой рассказ Сергей.

Потрясённая Людмила несколько секунд приходила в себя, глядя то на мужа, то на кулон с портретом его Ангела, потом схватилась за голову и тихонько застонала:

— О-о-й, чуяло моё сердце, что с тобой там что-то происходит! Но верила: всё будет хорошо, тебя не зацепит — не может же так быть, чтоб на войне человек живым остался, а в мирном городе погиб. Господи, не знаешь теперь, где смерть тебя поджидает! А тех-то, Лёхиных, с какой стороны твой Ангел уберёг, каким образом?

— Так очень просто! Дочка в тот день просилась на городскую ёлку, сын — на каток, но мать не пустила, объяснила, что друг отца должен приехать, новогодние подарки привезти от Деда Мороза. Я ж ей так сказал по телефону, вот они и ждали меня с утра. А укропы как раз долбанули и по ёлке, и по катку. Жалко людей, а уж детишек особенно! Нашли, гады, особо важные военные объекты, фашисты проклятые! Нет, бить их до конца! Надо мне ехать побыстрее к ребятам на передок...

— А ты подарки-то Лёшкиным детям привёз? — вдруг вспомнила жена.

— Конечно! Там же не один универмаг «Белгород», магазинов много. Ну, давай проводим старый год, да будем готовиться к новому!

* * *

— Тамара Евгеньевна, вас спрашивают. Сможете выйти сейчас? — медсестра горловской больницы № 2 тронула за плечо хирурга, которая всю ночь стояла за операционным столом, а сейчас сидела, закрыв лицо руками — то ли дремала, то ли думала о чём-то.

— Кто спрашивает? — усталым вопросом прозвучал ответ.

— Да сапёр, боец тот молоденький, что вчера тяжёлого раненого сопровождал. Мы его перевязали — легко отделался, поспал, теперь назад рвётся.

Тамара с трудом — глазам не хотелось видеть белый свет — отняла руки от лица. Прошедшие сутки были страшными. Только ли эти сутки? Пятый месяц она в Горловке. Ей кажется, никогда никуда она отсюда не уезжала, вот, правда, ни с кем из одноклассников толком пока так и не удалось ещё встретиться. Работа, работа, работа, чужая боль накрывает, как своя, никакой броник не спасёт душу и сердце. Не заметила, как зима пролетела — вон, деревья уже в цвету. Скоро День Победы. Почему-то вспыхнуло в памяти: демонстрация, они в школьной колонне проходят перед трибуной возле ДК шахты Румянцева — транспаранты несут, красные флаги, шары, песни поют. И всё в бело-розовой дымке — вокруг частные дома, и во дворах яблони цветут. У неё вдруг подворачивается нога — оказывается, каблук подломился. Они с Лариской выходят из колонны, стучатся в первый попавшийся двор: «Дяденька, помогите, каблук сломался, прибейте, пожалуйста, а то нам ещё к шурфу

идти, цветы возлагать!» В шурф этот шахтный в сорок втором-сорок третьем году фашисты сбросили живыми и мёртвыми четырнадцать тысяч советских людей — и дети там были, и пленные солдаты...

Тамара вышла в приёмный покой. Ожидавший парень протянул ей веточку цветущей яблони, которую держал в красивых руках, она их отметила сразу, подумав: «Хирургом бы ему быть с такими пальцами».

— Тамара Евгеньевна, спасибо вам! Как там «Серый»? Я уезжаю. Что братьям сказать? Он ведь меня собой закрыл, понимаете! Меня бы не было уже, если бы не он, — нервный тик подёргивал щёку утончённого мужского лица, с которого война, кажется, ещё не до конца стёрла детскость.

— Всё нормально, боец, жить будет ваш «Серый», — погладила она по руке парня, принимая подарок.

— А... лицо? Как с лицом-то его быть?

— Ну, с лицом... — хирург испугалась, что сейчас станут заметны её набегающие слёзы, и этот мальчик-мужчина их увидит. Она прикрыла глаза яблоневым цветом, будто ловила его аромат. — И с лицом, я думаю, будет всё хорошо, я даже уверена в этом. Через час отправим его в Ростов-на-Дону, а потом и в Москву. Уже договорились везде, где нужно. Хороший у него ангел-хранитель, самое главное уберёт.

— Да-да! Вот! Вы, пожалуйста, передайте ему это, — парень вытащил из кармана кулон и натальный крестик. — Это «Серого». Я снял с него, когда санитарам его сдавал. Верните ему потом, пожалуйста.

Тамара Евгеньевна вошла в реанимационную палату. Изуродованное лицо раненого было в бинтах, только щель для глаз, которые удивительнейшим образом остались целы. Хирург открыла кулончик. На неё глянул Ангел с небес — красивое лицо с нимбом над головой и

белыми крыльями за спиной, в зелёной, цвета надежды, накидке. В одной руке крест, в другой меч. Невидимый друг... Такой же кулон она, помнится, подарила Ларке, подруге детства.

Раненый приоткрыл глаза. «В себя приходит, — отметила Тамара. — Теперь может вчерашний день считать вторым днём своего рождения!»

«Мой Ангел в белом... — подумал Сергей. — Родинка на щеке, как у моей мамы. Значит, всё хорошо. Я в порядке. Я знаю — мы победим!».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Лариса АФАНАСЬЕВА.....	3
Равиль ВАЛЕЕВ... ..	8
Владимир ПАСЮТА.....	17
Нина ПЛАКСИНА	29
Расима СТУПАКОВА.....	37

ДРАМАТУРГИЯ

Валерий ЯШКУЛОВ... ..	45
-----------------------	----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Ремзи ДЕВЛЕТОВ —	
Александр ПЕТРЕНКО	70

ПРОЗА

Галина ДЕЙНЕГА... ..	75
Татьяна ШАХЛЕВИЧ.....	100
Ольга ПРИЛУЦКАЯ.....	106

Литературно-художественное издание

ПОД ЗНАМЕНЕМ ВРЕМЕНИ

Произведения писателей
ОО «СПРК»

ТОМ II

Редактор-составитель
Ольга Прилуцкая

Вёрстка, дизайн, предпечатная подготовка —
Усинов М. А.

Сдано в набор 27. 10. 2024

Подписано в печать 29. 10. 2024

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная 80 $\frac{r}{m}^2$

Электронная версия. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 6.72

ООО «Издательство “Доля”»: Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Виноградная, 22, 295022
E-mail: vbasyrov@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом оборудовании
типографии ООО «Форма»